

«Самый впечатляющий шведский детектив
после ухода Стига Ларссона!»

Svensk Nyheter

«Смешайте в нужной пропорции
«Девушку с татуировкой дракона»

и «50 оттенков серого» —

и наслаждайтесь вкусом нежности и боли!»

Böcker för alla

«Что бы ни говорили ханжи,
этот роман не о пороке, а о безднах любви».

Uppsala Expressen

КРАСНЫЙ цвет боли

«В этом романе Стокгольм — не просто место преступления,
но третья сторона «любовного треугольника».

Такого Стокгольма — города греха, чувственности
и неистовых страстей — шведская литература еще не знала!»

Öppna TV Stockholm

ЭВА ХАНСЕН

Цвет боли

Эва Хансен

Цвет боли: красный

«Яуза»

2013

Хансен Э.

Цвет боли: красный / Э. Хансен — «Яуза», 2013 — (Цвет боли)

«Самый впечатляющий шведский детектив после ухода Стига Ларссона!»Svensk Nyheter«Что бы ни говорили ханжи, этот роман не о пороке, а о безднах любви».Uppsala Expressen«Смешайте в нужной пропорции «Девушку с татуировкой дракона» и «50 оттенков серого» – и наслаждайтесь вкусом нежности и боли!»Böcker för alla«В этом романе Стокгольм – не просто место преступления, но третья сторона «любовного треугольника». Такого Стокгольма – города греха, чувственности и неистовых страстей – шведская литература еще не знала!»Öppna TV Stockholm«Пугающе откровенный, восхитительно чувственный эротический детектив!»Svenska magasin för kvinnorВсе шведские газеты трубят о серии загадочных убийств девушек, отличавшихся при жизни не самым праведным поведением. Подозрение падает на Ларса Юханссона – молодого эксцентричного миллионера, известного в узких кругах своими «особыми» эротическими пристрастиями. Юная журналистка, проникнув «под прикрытием» в закрытый для посторонних глаз мир БДСМ, вскоре с ужасом осознает, что без ума от подозреваемого – ее неудержимо влечет к нему, словно бабочку на огонь...

© Хансен Э., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Розовый	6
Алый	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эва Хансен

Цвет боли: красный

© Эва Хансен, 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается А.К., без которого эта книга не состоялась бы.

Этот месяц не просто перевернул мою жизнь, он заставил меня изменить все представления о себе самой. В четыре недели вместились столько надежды и страха, радости и ужаса, счастья и боли... Боли всех цветов и оттенков от простой физической до тяжелейшей душевной. Но что бы я не испытала, я ни на миг не пожалела о том, что произошло, потому что без этой боли не было бы самого большого счастья.

А начиналось все так обычно...

Розовый

– Бритт! Бри-итт! – завязывая кроссовки, я зову подругу вовсе не для того, чтобы она составила мне компанию. Это нечто вроде первого звонка будильника. Когда вернусь с пробежки, последует второй, и только потом запах свежесваренного кофе поднимет Бритт с постели.

Из комнаты подруги доносится мычание:

– У-у...

– Я побежала.

– Угу...

Подруга делает вид, что простужена, а потому сегодня осталась дома, хотя это не редкость. Бритт частенько изыскивает поводы не бегать по утрам, не потому что ленива, а потому что патологическая сова, для нее встать раньше девяти такое мучение. Испорченное из-за подъема в семь утра настроение не улучшит потом ничто, даже шведский шоколад, который Бритт готова есть килограммами.

Конечно, у нее есть оправдание, причем вполне логичное – Бритт американка, хотя сама себя считает шведкой. Об Америке она вспоминает, когда надо объяснить ночные бодрствования и дневной сон:

– В Америке еще ночь.

Или:

– В Америке еще не рассвело.

Хотя за столько месяцев учебы в Стокгольме можно бы и перевести свои биологические часы.

Выбежав из дома, я решительно поворачиваю в сторону Мастер-Микаэльс-гата. Это уже ритуал: в одиночку всегда отправляюсь к Фьелльгатан, Бритт же подавай прямо противоположный маршрут – к Рынку и Арке Боффиля, там, видите ли, условия лучше и освещенность тоже. А мне нравится пару раз сбежать по Лестнице Последнего Гроша, но не только потому, что лестница сама по себе хороша для тренировки мышц, просто я обожаю остров Сёдермальм, а именно район СоФо (Сёдер южнее Фолькункагатана – для тех, кому весь Стокгольм за пределами Гамла Стана это «где-то там»), что бы там о нем не говорили. А еще маленькие, почти деревенские домики возле Катарина-чюрки и сады на Фьелльгатан. Почему? Не знаю сама.

Конечно, СоФо не всегда был приятным районом. Мастер Микаэльс, чьим именем названа крошечная площадь, например, просто стокгольмский палач, а на месте очаровательной Норска-чюрка (Норвежской церкви) некогда стояла огромная виселица, на которой казненные болтались, как пальто в гардеробе – рядами. И Хэккельфьелль недаром называли Чертовой горой, по поверьям именно здесь собирались ведьмы перед своим пролетом над городом на шабаш на горе Блокулла. Этого никто не видел своими глазами, но все в это верили. Лучшим способом расквитаться с приглянувшейся мужу соседкой было заявление, что та в полночь торопилась на Хэккельфьелль, правда, могли поинтересоваться, что сама делала в такой неурочный час на улице...

Это все в прошлом, ведьмы теперь ездят на «Саабах» или метро, Катарина-чюрку в очередной раз восстановили после пожара, но очарование древности и деревенского местечка осталось. Небольшие деревянные дома с садами за крашеными заборами и даже с водой из колонок – сколько мегаполисов могут таким похвастать? Мне почему-то кажется, что именно уголок СоФо залог живучести Стокгольма.

Когда моя ехидная сводная сестра, для которой Стокгольм это Норрмальм и Эстермальм, напоминала о мрачном прошлом некоторых местечек СоФо, я в ответ фыркала:

– Давно ли на месте твоего обожаемого Берцелий-парка была лужа, называвшаяся, между прочим, Каттхавет. Не знаешь почему?

Тереза лишь картинно пожимала плечами, и я с удовольствием отвечала сама:

– Потому что туда весь город свозил котят – топить! Поищи под кустиками, кошачьих косточек небось немало.

Выросшая в центре Норрмальма я, учась в университете, уже выбрала для собственного жилья другой конец города – СоФо, о котором насмешливо говорят, что в нем все такие независимые, что похожи друг на дружку, как две капли воды.

Это неправда, потому что жители СоФо вовсе не похожи. А то, что иногда одеваются словно под копирку, так это от слишком большого желания выглядеть стокгольмцами, ведь в СоФо частенько собираются провинциалы, жаждущие вкусить прелестей столичной жизни. Это быстро проходит, зато именно оттуда выходят гении дизайна.

Размышляя о жителях СоФо, я пробежала мимо красивой Норска-чюрки и направилась к любимой Лестнице. В этом районе туристы редки, их привлекает Гамла Стан, а если на этом берегу, то предпочитают Сёдермальмсторг (смешно, сейчас требуют вернуть ей старое название – Рюсгарден, «Русское подворье») возле Слюссена, центральную Йотгатан с Рынком и массой магазинов, а теперь вот еще обожаемую Стигом Ларссоном площадь Марияторьет и Санкт-Паульсгатан. Вокруг фонтана Рыбалки Тора отныне толпы экскурсантов, разинув рты, слушают, как замечательно жилось героям ларссоновского «Миллениума».

Конечно, замечательно, что простой журналист смог себе позволить апартаменты в этом месте. Но несоответствие никого не волнует, как и отсутствие реального адреса у крыши Карлсона. Гиды почему-то решили, что Карлсон жил в красном домике напротив скульптуры Георгия со змием на Купеческой улице, и даже автор не сумела никого в этом переубедить. Шведам все равно, они Карлсона не очень любят. Да и за что любить? Бездельник, лентяй и обжора. Ну и Микаэль Блумквист пусть живет в пентхаусе на Бельмансгатане, если этого так хотелось Стигу Ларссону. Меня никогда не притягивало то, что любят толпами, кажется, что это не любовь и даже не интерес, а просто желание «отметиться», мол, и я здесь был.

А туристы прилежно фотографируют крышу красного дома у Георгия со змием и пентхаус Бельмансгатан № 1, лестницу в Ратуше, по которой спускаются нобелевские лауреаты (интересно, хоть кто-то из этих организованных фотографов в действительности представляет себя в качестве лауреата, как советуют экскурсоводы?). Обязательно смену караула у Королевского дворца... И еще ресторан-клуб «Ривал», принадлежащий в том числе Бенни Андерсону, с балкона которого «АВБА» и звезды Голливуда приветствовали после съемок «Мamma mia» визжащую от восторга толпу. Пусть, шведы народ терпимый и терпеливый...

Лестницу Последнего Гроша не фотографируют. И слава богу!

Несмотря на свежий утренний воздух, спешившая по пустой улице женщина бодрой себя не чувствовала, напротив, отчаянно боролась со сном. Ничего, до дома два шага, даже души решила не принимать, сразу завалиться спать. В единственный выходной Карин только и делала, что отсыпалась за всю неделю.

Дверь в дом придержала, чтобы та не грохнула, пусть остальные тоже поспят.

– Эй! – на своем этаже Карин обратила внимание на слегка приоткрытую дверь соседской квартиры. – Кайса, ты дома?

Из-за двери никто не отозвался, кажется, в комнате работал телевизор.

Кайса не слишком общительна, живет одна, мужчины к ней не ходят. Да и Карин некогда болтать, едва успевает прийти в себя после одной работы, как пора спешить на вторую. С трех ночи до утра она нелегально убирает в подпольном игровом клубе, потому всю неделю ходит сонной.

Обычно соседки ограничивались фразами приветствия, но в дела друг друга не совали, проблем у всех хватало своих. Позавчера, уходя на работу поздно вечером, Карин услышала, как Кайса впускает кого-то в квартиру, кажется, женицину, а может даже двоих. Пришлось даже подождать, пока все не стихнет, прежде чем выйти самой, Карин ни к чему лишние вопросы. Неужели потом они вместе ушли, оставив дверь нараспашку?

Нет, лучше закрыть дверь и отправиться к себе. Карин так и поступила, однако уже в своей прихожей вдруг почувствовала настоящее желание все же достучаться до соседки. Приоткрытая рано утром дверь в квартиру настораживала... Она пыталась вспомнить, была ли дверь открыта, когда Карин вечером уходила на работу, но так и не вспомнила. Этаж верхний, квартиры только две, но мало ли что могло случиться?

Когда на зов снова никто не ответил, женицину почему-то охватил страх. Отворила дверь пошире. Из комнаты доносился голос ведущей утренней программы теленовостей... Вот это уже совсем не дело – уходить, оставив телевизор включенным!

– Кайса, ты спишь, что...

Договорить не смогла, завизжав на весь дом.

Прибежала соседка снизу Энн, смотрела на выскочившую на площадку Карин с ужасом:

– Что случилось?!

– Там... там...

– Что там?

Но Карин не могла произнести ни слова, только показывала рукой в сторону прихожей. Заглянувшая в квартиру Энн схватилась за сердце:

– О, Господи!

Кайса висела, опутанная какими-то веревками. Ее лицо посинело от удушья, большой язык вывалился...

Карин уже тыкала в кнопки мобильного, вызывая службу спасения.

– Полицию... надо... – замотала головой Энн.

– Они вызовут.

Полиция приехала быстро.

Карин решила не упоминать, что слышала, как Кайса впускала кого-то в квартиру. Все равно женицину она не видела и даже о голосе ничего сказать не могла, голос как голос, а тогда пришлось бы объяснять, откуда сама возвращалась рано утром.

Кайса умерла еще позавчера, и вторые сутки болталась в таком виде. Страшная смерть от удушья.

Соседки судачили: маньяк?! И каждая проверяла крепость своих запоров. Если уж начали расправляться дома...

Вспоминали, что выглядело подозрительным в жизни Кайсы. Теперь таковым казалось все: жила одна, мало с кем общалась, гости бывали редко, мужчины никогда, только женицина такого же возраста.

Почему не интересовались соседкой целых два дня? А как интересоваться, если Кайса и раньше исчезала и неделями не появлялась, кто же знал, что на сей раз не так? Где она была в это время? Кто же знает, она не рассказывала. И где работала, тоже не говорила. Если человек не желает всем сообщать подробности своей жизни, кто вправе вмешиваться?

Жить в вечно бурлящем Нормальме или роскошном Эстермальме я не осталась из-за сводной сестры. Когда мама второй раз вышла замуж, в семье появилось невыносимо самоуверенное и наглое создание – дочь отчима Тереза. Ее мать бросила девочку и умчалась с новым мужем на ту сторону Атлантики. Отец ребенка баловал, няня-итальянка, жалея малышку, позволяла ей все. Результат получился плачевным, со временем справиться с этим монстром не мог уже никто, переезд из Милана в Стокгольм положения не исправил. Замученная беско-

нечными капризами няня осталась в Италии, а пятнадцатилетняя Тереза решила, что сводная сестра вполне годится в качестве нового объекта издевательств. Между нами разница в полтора года, это, по мнению Терезы, давало ей право брать мои вещи без спроса. Возвращались они никуда не годными, если вообще возвращались.

На мое счастье это продолжалось недолго. Окончив школу и начав самостоятельную жизнь, я безапелляционно выставила сводную сестрицу вон, как только та попыталась проникнуть в мой новый мир, и сократила до минимума общение со всей семьей. Оставалась еще бабушка – мама моего вечно отсутствующего обожаемого папочки. Вот с ней мы созваниваемся ежедневно, даже когда на лето или ближе к Рождеству она уезжает в загородный дом на озеро Валентуна.

Бабушка считает, что проводить Рождество или летние каникулы в городе почти преступление. Я тоже, а потому, как только Бритт улетит в свою солнечную Калифорнию, отбуду на каникулы к бабушке. Но не раньше, потому что бросить хандрящую из-за осенне-зимнего ненастья подругу одну в Стокгольме мне не позволяет совесть. Приглашение провести каникулы в Бюле вместе со мной Бритт, конечно, не отвергла, но как-то так уклончиво ответила, что я поняла: спасибо, лучше не надо.

Вообще-то скорое отбытие Бритт в Калифорнию секрет, но секрет Полишинеля. Сама подруга об этом ни гу-гу, и мне очень обидно, что она скрывает. Я нечаянно увидела билет на самолет, Бритт об этом не догадывается, а я делаю вид, что не догадываюсь, почему она потихоньку собирает вещи.

Наверняка поставит меня перед фактом вроде:

– Линн, прости, я тут решила слетать домой... Ты ведь не обидишься?

Я обиделась и давно, но не на ее решение посетить родимый дом, а на то, что скрывает от меня. Обиделась и молчу, пусть думает, что не догадываюсь.

Можно, конечно, полететь с ней в Калифорнию, но меня туда не слишком тянет, не люблю длинные перелеты. К тому же у Бритт должна быть возможность решить все самой, а мое присутствие в их доме на западном побережье США будет откровенным давлением на и без того не устойчивую душу Бритт. Что-то подсказывает мне, что она вряд ли вернется...

Любимая тема Бритт – маньяки, о всяких страстях она может говорить часами. Разумная и очень практичная в остальном девушка с замиранием сердца слушает новостные сводки, если сообщается об очередном убийстве, и сама с придыханием рассуждает о разных насильниках.

Когда я напоминаю, что подавляющее большинство людей за свою жизнь маньяков и не видели даже на фотографиях криминальных сводок, а неприятности имеют гадкое свойство притягиваться именно к тем, кто их ждет, Бритт горячится:

– Ты не права! Ты не права, и я тебе об этом ответственно заявляю!

Иногда мне кажется, что втайне Бритт надеется встретиться с маньяком, как бы дико это ни звучало. В Америке подруга даже ходила на какие-то курсы единоборств и кое-чему научилась, во всяком случае, время от времени демонстрирует воображаемому насильнику свои воображаемые умения: выставляет ладони ребром и с диким воплем: «Йе!» выбрасывает вперед правую ногу. Видно, это должно отбить у насильника малейшее желание связываться со столь тренированной и воинственной особой.

На деле же после такого упражнения Бритт редко удается удержаться на ногах, она теряет равновесие, и мне не раз приходилось старательно прятать улыбку.

– Все потому что я сейчас мало тренируюсь.

– Ты вообще этого не делаешь. Даже пробежаться утром тебя не заставишь.

Подруга зябко ежится:

– В такой холод?

– Какой холод, Бритт? Еще не зима!

– Тем хуже! Мокро, сыро, серо... – она прячет подбородок в большущий воротник теплого свитера, а кисти рук глубоко в рукава.

Я обнимаю ее, словно укрывая от холода и сырости. Бедная теплолюбивая девочка...

– Ты жалеешь, что приехала сюда учиться?

– Нет, что ты! – бодро отвечает моя американская подруга, но с каждым днем уверенности в ее голосе становится все меньше.

Подозреваю, что, улетев домой в свою солнечную Калифорнию на каникулы, обратно она не вернется. Родители Бритт шведы, но отца увезли в США совсем крохой, а вот у мамы остались детские воспоминания о сказочном Стокгольме и пушистом снеге на Рождество. Воспоминания, которыми она щедро делилась с дочерью, изобиловали восторгами: снежная зима, рождественские катания на санях, запряженных оленями, национальные костюмы... Забывая упомянуть о коротком световом дне половину года, пасмурном небе и том, что глубокие снега зимой – это север, а не юг Швеции, но там вообще полярная ночь.

Сама Бритт помнила только о самобытности шведских дизайнеров, которая просто недосяжима ни для остальных европейцев, ни, тем паче, для американцев. Моя подруга уверовала – чтобы стать настоящим дизайнером, просто необходимо отправиться учиться в шведский колледж, что и сделала в августе этого года. Для американки у Бритт явно странные наклонности, насколько я помню, делать что-то собственными руками, если это не приготовление рождественской индейки или фирменного пирога, у них не в чести. Шить себе одежду? Зачем, ее полно в любом бутике на любой вкус и кошелек.

А уж создавать из деревянных брусочков светильники или из проволоки плечики для одежды и вовсе глупость. Куда лучше изготовленные промышленным способом.

Подозреваю, что именно необычное увлечение повышало ценность Бритт в собственных глазах. Это также был способ заявить о своей уникальности.

Она приехала учиться дизайну в Стокгольм, поступила в Бэкменсовский колледж и всю осень вдохновенно превращала километры ткани в оригинальные наряды. Но чем короче становился день, тем больше портилось настроение Бритт, бедолага все чаще задавала риторический вопрос: как можно жить без солнца по полгода?! Дождь приводил ее едва ли ни к зубной боли и отсутствию желания держать себя в форме. Никакие уговоры, что одна утренняя пробежка поднимает настроение куда заметней, чем килограмм вкуснейшего шведского шоколада, не помогали. Если на улице дул холодный ветер или шел дождь, пусть даже мелкий, Бритт оставалась валяться в постели.

– Погибшая – молодая женщина лет двадцати пяти... Точнее определить трудно, лицо слишком распухло... – поспешно наговаривал на диктофон старший инспектор Микаэль Бергман.

Он и впрямь торопился, потому что находиться рядом с этим трупом неприятно, хотя инспектор видел в своей жизни всякое. Просто он патологически не любил повешенных, вид вывалившегося языка вызывал тошноту. Скорей бы уж приехали медики да забрали...

Вообще-то, это не его дело – осматривать место преступления, но Микаэль ам решил своему подчиненному Дагу Вангеру задержаться сегодня утром, а потому выполнял его обязанности. Вангер уже звонил, должен вот-вот подъехать. Микаэль Бергман вздохнул, настроение и аппетит испорчены на весь день, но кто же мог знать, что здесь его ждет самое неприятное. С детства, после того, как увидел повесившегося соседа, самоубийцу не переносил.

Бергман отправился на кухню, делая вид, что желает еще раз осмотреть оставшуюся на столе посуду... Ничего особенного – недопитая бутылка вина, пара фужеров, чаши, остатки пищи...

Специалист «по пальчикам» отрицательно помотал головой:

– Нет, только ее пальцы.

- Но выпивали двое?
- Скорее ждала кого-то, второй фужер не тронут. И чашка тоже.
- Странно – пить рано утром.
- Пила вечером, пиццу ела тоже.

Наконец появился Даг Вангер, увидев труп, даже присвистнул:

- Самоубийство?
- Скорее несчастный случай. Самоудушение. Следов борьбы никаких, чужих пальчиков пока тоже.

Даг отправился опрашивать соседей, которых и было-то немного. Дом маленький, всего по две квартиры на каждом из трех этажей, в одной не живут, в двух тугие на ухо пенсионерки, соседка, что обнаружила труп, тоже ничего не видела...

Немного погодя приехали медики, констатировали смерть от удушья, забрали труп.

Инспектор вздохнул:

- Глупая смерть...
- Да, – отозвался старший команды медиков, – она умирала мучительно. Документы есть? Родственники будут опознавать тело?
- Пока не знаем, есть ли родственники. Жила одна.

Наконец, осмотр и опрос закончены. Бергман и Вангер с облегчением покинули квартиру. После увиденного даже хмурое небо показалось приятным. Все познается в сравнении.

Можно возвращаться в отдел и, оформив бумаги, сдавать дело в архив. Инспектор еще не знал, что это лишь первая из нелепых смертей женщин.

Но сразу уйти не удалось.

- Чертовы газетчики! Откуда они узнали?!
- У дома уже крутились двое, у одного в руках камера, у второго микрофон.
- Инспектор, это самоубийство или убийство?
- Кто пустил сюда репортеров? Перестаньте снимать, еще ничего не понятно, а вы уже делаете репортаж!

Но избавиться от журналистов не удалось, пришлось обещать, что полиция непременно все расследует в ближайшее время и обязательно расскажет общественности о том, что произошло и кто виноват, если действительно виноват.

Бергман говорил нужные слова, прекрасно понимая, что сенсацию репортеры не упустят, уже через час Стокгольм будет знать о трагедии все подробности, включая и те, которых просто не могло быть. Но Микаэль давно уяснил, что воевать с ишустрыми газетчиками себе дороже, они часто путают свободу слова с вседозволенностью, привлечь за безответственную болтовню удается крайне редко, остается либо не замечать, либо минимизировать вред, давая исчерпывающую информацию. Поскольку второе далеко не всегда возможно и нужно, оставалось первое.

– Пусть себе сообщают, – проворчал он, втискиваясь в машину Вангера. – Черт! Когда ты купишь нормальную машину?

– Мне хватает этой...

Можно бы поехать на более просторной служебной, на которой прибыл на место происшествия, но Бергману хотелось поговорить с Вангером, разговор личный, и в кабинете на него не будет времени.

Утром в субботу на улицах никого, кроме разве таких же бегунов, как я да хозяев собак, выводящих своих питомцев на прогулку. Вот и хорошо, вот и славно. Это не галдящий Норр-

малым, где круглые сутки на улицах, больше похожих на проходы в «Галерее», толпится разношерстная публика.

Моя мама, наоборот, любит толчею и называет меня старушкой, обожающей деревню. Мама моложавая и очень активная. Чтобы только перечислить общественные организации, в которых она принимает участие, понадобилось бы немало времени. И в голове у нее компьютер, потому что помнить расписание всех мероприятий и имена всех сотрудников обычный человек не способен.

А я больше похожа на бабушку...

В окне первого этажа девочка приветственно машет мне рукой. Эта девочка – инвалид, она с раннего утра сидит в коляске перед окном, и если мимо проходит или пробегает кто-то хотя бы внешне знакомый, улыбается и поднимает тоненькую, почти прозрачную ручку.

Я знаю, что ей нужно, а потому машу в ответ, потом показываю, будто обнимаю малышку, та заливается счастливым смехом. В комнате появляется ее мать и тоже приветствует меня.

Много ли человеку надо? Этой малышке – видеть людей на улице и махать им рукой, ее матери улыбка на лице ребенка, а мне их ответная доброта.

Дважды сбежать и снова подняться по Лестнице Последнего Гроша, в очередной раз убедиться, что лучшего вида на город, чем с площадки рядом с рестораном «Херманс» на Катариनावэгэн, не сыскать, хотя туристические каталоги называют другую – с террасы Мосебакке или хотя бы с площадки уже недействующего лифта Катаринахиссен – и отправиться обратно. Пусть туристы фотографируют открыточный Стокгольм с положенных мест, у меня есть свой, любимый и знакомый до каждого камешка под ногами.

Прохладно, пасмурно, но воздух свеж и напоен влагой. Замечательно! И вид прекрасный.

Рядом с домом:

– Хорошо выглядите, фру Сканссон...

Она фрекен, но намекать на несостоявшееся замужество не стоит, потому обойдемся «фру».

– Да уж, не жалуюсь.

Чтобы скрыть улыбку и не дать излиться словесному потоку фру Сканссон, я наклонилась к ее терьеру:

– Малыш, ты тоже. – Пес в ответ вежливо вильнул хвостом. – Всего доброго, фру Сканссон.

Это хитрость. Промедлив, можно застрять минимум на полчаса, выслушивая жалобы на нелегкое бытие и невнимательность соседей. Дело в том, что фру Сканссон больше всего на свете любит как раз жаловаться, и все, кто знает об этом ее качестве, по возможности старались избегать разговоров с ней. Бритт обиженная на жизнь фру называет «этой бессердечной американкой» и несколько раз пыталась посочувствовать мне из-за такой подруги. На заверения, что Бритт просто стесняется своего плохого шведского, было заявлено:

– Что вы, милая! Вы не знаете этих американцев! Они в принципе не могут смущаться!

– Не все американцы одинаковы...

– Все!

Я уже не помню, что избавило меня от длинной лекции по поводу недостатков всех американцев до единого, кажется, сама «бессердечная» Бритт, но с тех пор я стараюсь проскальзывать мимо соседки со скоростью стрижа над водой.

Вслед мне несется:

– Вы не знаете, что случилось?

– Где? – Это уже на лестнице, даже если она начнет рассказывать очередную страшилку, которые любит не меньше Бритт, я успею крикнуть, что слышала об этом ужасе, и у меня звонит телефон в квартире.

– Нашли повесившуюся девушку!

– А, да, конечно!

Я проскользнула в квартиру, радуясь, что встретила разговорчивую фру Сканссон на улице, а не на площадке, потому что тогда не избежать длинной беседы, разве что ее Фокс сделал бы от нетерпения лужу...

– Бритт! Лентяйка, ты все еще валяешься? Вставай!

В квартире тихо. Куда это она девалась?

Сбрасывая кроссовки и куртку, я прислушиваюсь.

– Бритт, ты же опоздаешь. Отзовись!

– Встаю... – сонный голос из комнаты Бритт. Что-то не похоже, чтобы она вставала, скорее, только намеревается это сделать.

– Наконец-то.

Я поспешила в ванную, прекрасно понимая, что если полусонная подруга займет душ раньше, то ее еще полчаса не выгонишь.

Существовала другая опасность, что эта соня, пока я буду мыться, снова уляжется в кровать. Или вообще встать не будет, услышав звук льющейся воды.

Но не тут-то было. Бритт приползла следом и, плюхнувшись на закрытую крышку унитаза, философски поинтересовалась, не особенно стараясь перекрыть шум от душа:

– Почему люди кончают жизнь самоубийством?

Я высунула голову из-за пластиковой занавески:

– Кто?

– Девушка повесилась...

Та-ак... второе сообщение на эту тему за полчаса. Они что, сговорились испортить прекрасное субботнее утро?

– Мало ли причин может быть для суицида.

За завтраком Бритт сделала попытку снова обсудить гибель девушки. Нет, у них с фру Сканссон есть что-то общее, пока не испортят настроение, от темы несовершенства мира не откажутся...

– Бритт, у тебя сегодня предварительная сдача работы. Больше преподаватель переносить не будет, сама же говорила.

– Угу, – мрачно согласилась подруга.

Через неделю у Бритт действительно выставка и дефиле, а я намеревалась это сфотографировать, чтобы сделать репортаж для студенческой интернет-газеты. Тех, кто сегодня не предоставит практически готовые работы, ни до какой выставки не допустят, это Бритт прекрасно понимала сама, потому мы нагрузили машину подруги мешками с одеждой и отправились в колледж.

Больше разговоров о суициде и повешении до конца дня не возникало, и слава богу.

Во второй половине дня Бергман вспомнил об утреннем деле.

– Ну, что там выяснилось?

Даг Вангер, которому пришлось провести ночь за рулем, а потом разбираться с повесившейся (или повешенной?), едва держался на ногах. Он так откровенно старался не заснуть, тараща глаза и усиленно моргая, что Бергман сжалился:

– Докладывай, что имеется, и отправляйся спать.

– Это даже не суицид, просто несчастный случай. Погибшая увлекалась БДСМ, связала сама себя и не рассчитала, освободиться не смогла, произошло удушение.

– Тьфу ты! Что за дуры? – возмущился старший инспектор. – Родственники есть?

– На севере, вызвали уже.

– Приедут, опознают, можно закрывать дело. Только проследи, чтобы судмедэксперты с заключением не тянули.

– Вообще-то она в последнее время этой глупостью не занималась. Раньше, лет пять назад – да, а сейчас нет. С чего вдруг начала? – Вангер растер ладонями лицо, взъерошил волосы.

– Не вздумай ехать домой на машине, возьми такси.

– Угу... Двое суток без сна. – Он потряс головой, вздохнул. – Какого черта в петлю полезла?

– Может, по старой памяти да подзабыла?

– Она кого-то ждала.

– Думаешь, не пришел? – Бергман с тоской обозрел стопку папок, которые следовало разобрать до конца дня.

Вешаться вообще нелепость, а уж так заковыристо, что и медики едва развязали, да еще из-за мужчины... Ох глупые...

Микаэль Бергман относился к жертвам по-отечески сочувственно, даже если жертвами были преступники, этим он славился в Управлении, следователи даже посмеивались, мол, чтобы Бергман пожалел, надо стать жертвой. Микаэль на их едкие замечания смотрел сквозь пальцы, потому что и к следователям относился тоже по-отечески. К тем, кто не ставил отдых превыше дела.

Он вскинул глаза на Вангера:

– Ладно, езжай домой, остальное завтра.

Ужасно, что Вангеру приходится заниматься чьим-то самоубийством после того, как вернулся с похорон брата. Брат был смертельно болен, что заставило бедолагу принять смертельную дозу снотворного... Бергман понимал, какие чувства должно вызывать у Дага слово самоубийство, но поручить это дело некому, все загружены работой и отчетами. Еще неизвестно, чем больше.

Демонстрация моделей в следующую субботу удалась, Бритт в том числе. Все признано имеющим яркую индивидуальность и в то же время вполне приемлемым для повседневного использования.

– Ваша концепция «Практичная индивидуальность» заслуживает особого внимания.

Эти слова для Бритт не просто бальзам на израненную пасмурной погодой душу, а настоящая осанна. Может, останется в Стокгольме? Мне без нее будет скучно.

Правда, пока вопрос возвращения не обсуждался. Но это потому, что и вопроса невозвращения тоже не было. Просто я подозревала, что доведенная отсутствием тепла и солнца почти до состояния депрессии, Бритт может предпочесть исторической родине своих родителей родину собственную. Бритт понимала, что я понимаю, и молчала. Я понимала, что она понимает, что я понимаю, и молчала тоже.

Успех следовало отметить в любом случае.

– В «Рокси». Терпеть не могу мужиков! – объявила Бритт, так свирепо покосившись на преподавателя, что я поняла: он недостаточно высоко оценил старания моей подруги.

«Рокси» на Нуторьет недалеко от нашего дома держат три подруги, соответственно и народ там собирается все больше женский. Но это не лесбийское собрание, просто дамские посиделки. Только не стоит думать, будто в «Рокси» все в розовом или гламурненько, как счи-

тают некоторые мужчины, вовсе нет, ресторан как ресторан, современный и даже несколько официальный. Просто компания душевная... и светильники своеобразные.

За Бритт никогда не наблюдалось ни особого пристрастия к противоположному полу, ни лесбийских наклонностей, скорее дело в обиде на несправедливую оценку. Ничего, посидит в «Рокси», оттаит. Там ее успехи в деле создания уникальных нарядов оценят. СоФо самое место для таких как Бритт. Ну и я для нее тоже – самое то...

Посидели мы действительно хорошо. Когда вернулись домой, я решила отредактировать снимки, сделанные во время показа моделей, перенесла их в ноутбук. Заодно проверила почту.

Это был определенно знак судьбы, потому что, отложив работу на завтра, моя жизнь сложилась бы иначе.

Среди нескольких писем, отправленных просто от нечего делать, нашлось одно – от Курта Малунгена, привлекающее мое внимание. Мы с Куртом вместе учились, почему бы не позвонить? Но он предпочел написать, предлагая завтра утром (воскресенье в десять утра) встретиться с некоей дамой – владелицей интернет-издания, которая набирает небольшую группу начинающих журналистов для интересной работы.

Я знала, что Курт ко мне, как говорила в таких случаях Бритт, «неровно дышит», потому, если бы он назначил встречу в восемь вечера, отмахнулась бы. Но утро воскресенья... Не настолько Малунген садист, чтобы так жестоко со мной поступать. И все же предпочла перезвонить.

– Курт, привет. Что за предложение?

– Привет, Линн. Не бойся, подвоха нет. Анна Свенссон, которая сейчас владеет интернет-изданием «На шаг впереди», решила его реформировать. Для работы ей нужны несколько начинающих журналистов.

Вообще-то, я переводилась на другую программу, но говорить об этом Курту почему-то не стала.

– А как же учеба?

– Это не постоянная работа, она набирает группу для выполнения задания, а потом выпускает. – В голосе Курта было что-то кроме привычного энтузиазма.

В ответ я вздохнула совершенно без энтузиазма:

– Это хоть не детище «Экспрессена»?

– Не знаю, мне пока неизвестно, но не «Экспрессен» точно. Ты не любишь бульварную прессу?

– Не хочется начинать с желтых газет, потом в другие не возьмут. А что за задание?

– Вроде какое-то журналистское расследование, сейчас это модно. Завтра встреча, все скажут. В конце концов, если не подойдет, можно отказаться. А вдруг что-то интересное? Придешь?

Я посмотрела на адрес. Ничего особенного, это практически Арка Боффиля со стороны вокзала Седра. От дома два шага...

– Пожалуй, схожу. А почему ты предлагаешь мне?

Курт чуть замялся...

– Говори уж!

– Эрика должна пойти со мной, но ее родители вдруг собрались до середины января в Америку, Эрика с ними.

Не могу сказать, что меня задела такая простая замена меня на Эрику и Эрики на меня. У нас с Куртом ничего не было, он просто оказывал мелкие знаки внимания вроде угостить кофе из пластикового стаканчика или занять очередь на ланч в университетском кафе. Но все равно это признание не слишком обрадовало. Почему я ответила, что приду, и сама не

знаю. Скорее всего, просто захотелось убедиться, что Курт не так уж сильно переживает из-за предательства Эрики.

Зачем мне он сам? Не нужен абсолютно.

Оговорив место и время встречи, я отправилась в ванную поваляться в пене.

Туда тут же заглянула Бритт:

– О чем размышляем?

Она права, замена обычного душа ванной означала серьезные раздумья.

– О жизни.

– И как? – выдавливая зубную пасту на щетку, деловито осведомилась подруга, словно от этих размышлений зависело если не будущее человечества, то, по крайней мере, наше с ней.

– Придумаю – сообщу, – не менее серьезно обещала я, заныривая в воздушные пузырьки глубже. Из пены должна торчать только голова, иначе какой в ней смысл?

– С кем разговаривала? – у нее получилось «разговаривала» из-за зубной щетки во рту.

– Курт предлагает подработать на каникулах.

Сомневаюсь, что она помнит, кто такой Курт, но это неважно.

– Тебе нужны деньги? – подруга даже зубы чистить перестала.

– Нет, ради практики, какое-то журналистское расследование.

– А?!.. «Миллениум»?! – для Бритт в Швеции существовал только Стиг Ларссон и его «Миллениум», подозреваю, не для нее одной.

– Успокойся, нет, – я попыталась ногой закрыть кран. Но вместо этого нажала на переключатель душа, и вода хлынула сверху. От неожиданности я нырнула в пену с головой, а Бритт, которую отвернутый в сторону душ окатил с головы до ног, с визгом отскочила к двери.

Визжать было от чего, я сумела закрыть горячую воду, но не справилась с холодной, душ оказался ледяным...

Следующие полчаса нам оказалось не до Курта с его предложением. Это только в ванну вода наливается медленно, на пол она это делает почему-то куда быстрее...

Но Бритт о предложении не забыла, как же, расследование да без нее?

– Так что за «Миллениум»?

– Какое-то «На шаг впереди». Остальное узнаю завтра.

– Уже хорошо! Я с тобой.

Вот этого я и боялась, зеленые глаза подруги блестели слишком заинтересовано, чтобы дело закончилось добром. Может, я ошиблась, и она не собиралась улетать в свою Калифорнию?

– Тебе-то зачем?

– Ты же знаешь мою интуицию, она не подведет.

О, да! Интуиция Бритт неоспорима, она всегда подсказывает верно, ну, кроме тех случаев, когда почему-то ошибается. Однако упоминать об этих прискорбных недоразумениях не рекомендуется.

– Хорошо, если встанешь в девять.

– Надо покопаться в Интернете, – подруга подтянула к себе ноутбук и устроила на ногах, сложенных по-турецки.

А она молодец, заняв мысли Куртом и нашими с ним отношениями, которых, собственно, не было, я совсем забыла про Сеть. Там наверняка есть это самое «На шаг впереди».

Из Бодена приехала сестра Кайсы Стринберг. Они не слишком часто виделись с погибшей, но все же сестра есть сестра, Даг надеялся, что девушка сможет объяснить, почему Кайса полезла в петлю. Но, глядя на фрекен Стринберг, Вангер подумал, что понимает Кайсу, в шестнадцать лет сбежавшую в Стокгольм. Сестра всего лишь на два года старше погиб-

шей, то есть, нет и тридцати, но внешне ей можно бы дать все сорок. Тусклым и безрадостным в ней было все – внешность, взгляд, голос... Человек, который с депрессией родился, с ней живет, от нее и умрет, вернее, давно умер, существует только оболочка.

– Мама все время плачет, с тех пор, как узнала, папа сидит молча. Она... мы всегда знали, что из этого ничего хорошего не выйдет. Разве можно ждать чего-то хорошего от жизни в сумасшедшем городе?

– Каком сумасшедшем?

– В Стокгольме! Тут могут убить. Тут всех убивают!

Вангер с изумлением выслушал эту тираду. Ого! Фрекен Стринберг очнулась?

– Так уж и всех, я, как видите, жив.

– Вы мужчина, – фрекен явно обвиняла Дага в позорной принадлежности к этой половине человечества, – а Кайса была женщиной!

Несмотря на всю серьезность ситуации, он едва сдержался, чтобы не поерничать:

– Да что вы говорите?!

Фрекен Стринберг мгновенной заминки инспектора не заметила, она продолжала обличать и пророчествовать:

– Это все ее дружки, это они виноваты!

– Виноваты в чем?

– В трагедии, в том, что Кайсы больше нет.

Что сестру убили, она все же не сказала, но доведение до самоубийства тоже преступление, которое требуется расследовать.

– Вы считаете, что ее довели до беды? – Дагу страшно не хотелось произносить слово «самоубийство». – Вы знаете кого-то из друзей сестры?

– Нет!

Но по тому, как Стринберг произнесла это слово и быстро отвела глаза, Вангер понял, что она лжет.

– Может, все-таки кого-то вспомните?

Губы поджались, превратившись в узкую полоску.

– Я не дружу с такими...

Фрекен обижена, только чем?

Ясно, самым подозрением, что она может знать с кем-то в этом сумасшедшем городе, где с утра до вечера убивают всех без разбора. Нет, не всех, только женщин.

– С какими такими? Фру Стринберг, нам очень важно узнать о вашей сестре как можно больше, чтобы понять, виновен ли кто-то в ее гибели, а если виновен, то кто именно. Это поможет наказать виновного.

При слове «наказать» у Стринберг появился огонек в глазах.

– Кайса не очень много рассказывала о своей тяжелой жизни в Стокгольме, но кое-что я все-таки знала.

В следующие полчаса Вангер уяснил, что знала многое, видно, Кайсу контролировали, вероятно, звонили каждый день. Когда сестра погибшей закончила свой подробный и в то же время пространный рассказ, у Дага уже просто трещала голова.

– Да вы же ничего не записывали?! – вдруг ахнула фрекен Стринберг. – Я все это говорила зря?!

Вангер молча нажал на кнопку диктофона. Услышав собственный голос, Стринберг сначала испугалась, потом нахмурилась:

– Как-то не очень на меня похоже.

Даг подумал, что это неудивительно с ее-то дикцией, говорит, словно что-то держит во рту под языком, но укорять за невнятное произношение фрекен Стринберг не стал, напротив, совершенно серьезно прочитал целую лекцию ни о чем:

– Человек никогда не узнает собственный голос. Просто когда мы говорим, добавляется некий внутренний резонанс, вы понимаете? – Вангер понятия не имел, что там добавляется, но старался говорить как можно уверенней, чтобы эта серая курица почувствовала, что отвлекает очень серьезных и занятых людей. – Все, что вы сказали, записано, теперь я должен обработать полученную информацию, передать ее службе... слежения и получить от них данные обо всех, кого вы упомянули. После тщательной обработки этих данных можно будет сделать вывод о причастности или непричастности названных людей к произошедшей трагедии. Кроме того, мы должны получить заключение патологоанатомов о причинах и сроке смерти.

Все время, пока произносил эти общие, ничего не значащие фразы, Вангер, не отрываясь, смотрел в глаза Фрекен Стринберг, та тоже плилась, даже не моргая, и постоянно кивала. Со стороны могло показаться, что Даг инструктирует ее перед каким-то важным событием, и оба стараются ничего не пропустить и не забыть.

– Когда работа будет проведена, мы с вами свяжемся. Вы надолго в Стокгольм?

– На один день, сегодня должна обратно...

– Боюсь, вы не сможете забрать тело сестры, если только это не самоубийство.

– Это не самоубийство! – зло и почти по слогам произнесла серая курица.

Но Вангер не смутился, за шесть лет работы он видел всякие трупы и всяких родственников.

– Я тоже так думаю. Вам придется приехать позже. Вы не могли бы оставить мне дополнительный телефон для связи. Мне может понадобиться ваша консультация.

Фрекен Стринберг снова закивала, но уже не так послушно, просто соглашаясь, записала номер своего мобильного и удалилась, по пути, почти победно оглядев подпирающую дверной косяк Фриду.

– Какой там службе ты собираешься передать информацию? – Фрида устроилась на стуле, где только что сидела Стринберг, и Вангер невольно сравнил двух девушек.

Они примерно одного возраста, Фриде тоже около тридцати, но она подтянутая, насмешливая, живая. Дело не в профессии, обязывающей инспектора Фриду Волер быть физически и эмоционально крепкой, она изначально не могла выбрать профессию, позволяющую быть рохлей и тянучкой, а сестра убитой Кайсы никогда не смогла бы стать инспектором.

– Интересно, кем она работает?

– Ты не спросил?

– Чтобы услышать подноготную всех сотрудников какой-нибудь службы Бодена? Уволь меня.

– Стереть? – Фрида кивнула на диктофон.

– Нет, пока пусть останется. Там немало занятой информации, мало ли где пригодится.

– Сказать, чтобы распечатали?

– Нет, просто сохрани. Что бы я без тебя делал?

– Пропал! Ладно, пойдем, попьем кофе?

– Попрошу Бергмана, чтобы на следующее дело поставил нас вместе.

– Свалить всю работу на меня, а самому отсыпаться за предыдущие шесть лет? Ну уж нет, не выйдет.

Вангеру действительно хотелось, чтобы Фриду прикрепили к нему в группу, хотя сама группа сейчас занималась всякой всячиной вразнойбой.

Только бы Курт не решил, что я согласна стать его девушкой взамен променявшей его на заокеанские дали Эрики...

С чем-то подобным я только что распрощалась. Нет, я не вертихвостка, скорее наоборот, за два года учебы в университете рассталась всего в двумя парнями, причем похожими друг на друга как близнецы, то есть одинаково занудными, благовоспитанными и самое противное – предсказуемыми при всей их сексуальной раскованности.

Обоих мне «организовала» мама, это сыновья ее деловых партнеров, молодые люди, у которых расписано все на десятилетия вперед. Подошло время встречаться с девушкой, чтобы вовремя жениться, родители познакомили с подходящей, вот и все. Честное слово, я даже не подозревала, что в наше время такое возможно. В Швеции не в моде официальное оформление отношений, какая разница, состоялась ли церемония в Ратуше?

Нет, оба парня вовсе не были зашоренными идиотами, скорее наоборот. У Берга выявились склонности к бисексуальности, он слишком часто заглядывался на молодых людей, что приводило меня в ужас.

– Посмотри, какая у этого парня крепкая попка! Линн, ты определенно фригидна, если столь красивые ягоды не впечатляют. Мне казалось, женщины должны умирать от таких форм.

Как хотите, а иметь парня, с восторгом рассуждающего о мужской заднице, это слишком. Однажды представив себе обладателя хороших форм в нашей постели третьим, я твердо заявила Бергу, что встретила другого. Тот лишь спокойно пожал плечами:

– Жаль, хотя, мне кажется, ты не стала бы понимающей супругой.

Вот с этим я вполне согласна! Я махровая гомофобка, как бы несовременно это ни звучало, и понять тягу одного мужчины к ягодицам другого могу, но не хочу. Вернее, пусть тянется... но только как-нибудь без меня и этими же руками меня не трогает.

Второй, Йен, ни геем, ни бисексуалом не был, он увлекался девушками, девушками и только ими. Неизвестно, что хуже. Для меня у Йена существовали два дня в неделю, в которые мы успевали посетить все значимые премьеры сезона, посидеть в роскошных ресторанах и даже полетать на воздушном шаре над городом. Это не были два определенных дня, потому что премьеры могли случаться в разные дни недели, но это были только два вечера и две ночи. Остальные пять Йен проводил по своему усмотрению и вмешиваться в распределение или ревновать, столкнувшись с ним где-нибудь в клубе в обществе очередной красотки, я не имела права.

Расстались без надрыва, как-то слишком цивилизованно. Просто однажды я произнесла:

– Йен, я думаю, тебе не стоит сегодня ночевать у меня...

– Я тебя не удовлетворяю?

Удовлетворял, мне хватало походов в театр, ресторан, клуб или кино дважды в неделю, а также двух ночей после них, тем более Йен весьма изобретателен и силен, но что же оставалось для меня? Домашняя игрушка, обязанная быть всегда довольной жизнью в отведенных рамках? Зачем это мне?

Когда я задала такой вопрос Йену, он усмехнулся:

– А чего ты ждешь, любви с первого взгляда или принца на белом коне, который заберет тебя в сказочную страну? Поверь, я предлагаю лучшее. Ты будешь обеспечена, будешь иметь постоянный секс и достаточную свободу для собственных увлечений. Я современный мужчина и согласен предоставить тебе таковую. Я всего лишь должен знать, что ты не даешь повода злословить за моей спиной и не подцепишь заразу.

– А любовь?

– Что?

– Любовь, Йен. Ты ни разу не сказал, что любишь меня. Подозреваю, что у тебя и сердце ни разу не забилося сильнее при мысли обо мне.

– Ты взрослая женщина, а рассуждаешь как ребенок. Можешь считать, что люблю, если это так важно. Сказать тебе слова любви? Да пожалуйста. А цветы я дарю постоянно.

О, это я знаю. Ежедневно приносят букет из цветочного магазина. В среду. Утром. Всегда примерно одного размера и качества. Йен определенно оплатил нечто вроде абонемента на год вперед.

– Не нужно говорить ничего, Йен, совсем ничего. Вообще ничего. Ты найдешь себе взрослую женщину, которая будет рассуждать так же, как ты сам, примет твои условия и согласится на секс по расписанию без угрозы заражения.

– Это означает, что мы больше не будем встречаться?

– Мне показалось или ты действительно испытываешь облегчение?

– Ну-у... мне с тобой было хорошо... – в голосе любовника не слышалось стопроцентной уверенности.

– Так хорошо, что ты сотрешь мой номер телефона, едва я выйду из машины?

– Линн!

– Я не права?

– Нет, я буду поздравлять тебя с праздниками и звонить раз в неделю, чтобы узнать, как ты. – А вот нотки облегчения все же пробились, как бы Йен ни прикидывался.

– Раз в месяц.

– Хорошо, в месяц.

Черт, как он легко согласился! Может, не стоило так решительно? Но отступить некуда.

– Договорились.

– А дружеский секс иногда?

Я пожала плечами:

– Посмотрим... Кстати, не забудь аннулировать свой заказ в цветочном магазине, теперь нет необходимости в букетах.

Он явно смутился, потом рассмеялся даже лукаво:

– Букеты будут доставлять до Нового года.

– Йен... ты явно просчитался. Оплатил вперед?

Любовник смотрел на меня уже заинтересованно.

– Линн, а, может, попробуем еще раз?

– Нет, дорогой, не стоит.

Боже, какое это удовольствие отказывать любовнику, с которым давно не ладится! А ладилось ли? Теперь я уже не была уверена ни в чем. Однако что-то требовалось делать со мной самой. На такой разговор я могла решиться только в самый отчаянный момент, это против всех моих правил и жизненных установок. Мама иногда говорит, что ей кажется, будто она родила меня не в современном Стокгольме, а в монастыре в позапрошлом веке. «Нельзя быть такой несвоевременной!» Несвоевременной – это ходить с косой, играть на скрипке для души и быть сексуально зажатой. Ну и пусть, я такая, какая есть.

В тот вечер я долго не могла заснуть, размышляя над собственным отношением к жизни и сексу. Я не современная? Наверное, да. Йен прав, мне нужна любовь, пусть не с первого взгляда (хотя желательна именно такая, потому что вдруг разглядеть принца на белом коне среди тех, кого я давно и хорошо знаю, как-то не слишком реально), но захватывающая. Если страсть, то чтоб обо всем забыть и на все быть готовой.

С другой стороны способна ли я сама на такую страсть? Да и какой принц посмотрит на Линн Линдберг? Нет, посмотреть один раз может, но второго не будет. Большинство прекрасных принцев и вовсе скользят по мне взглядом, как по мебели. Чем зацепить?

Рост... ну... выше среднего. Упитанная, да-да, и никто меня в этом не разубедит! Классические 90-60-90 у меня превышены довольно заметно – 96-64-96. Ноги не от ушей, и шея не лебединая. Хотя тоже ничего... Все вроде в норме, но в результате получается середнячок...

Вот это самое мерзкое – середнячок, то, на что внимание обращают в последнюю очередь. Нет, я вовсе не желаю растолстеть, чтобы вслед глазели с жалостью или изумлением,

но хочу быть яркой, чтобы парни в компании замечали сразу, а не через час после начала вечеринки. Хорошие волосы, белоснежная (без отбеливателей!) улыбка, красивые руки... да и ноги стройные... Изъянов нет, но все вместе каким-то непостижимым образом складывается в посредственность.

А все проклятые 96 см! И никто не переубедит меня, что при росте в 170 см это нормальный объем бедер, что будь я тоныше, выглядела бы жердиной (бабушкины слова, не мои). Я не сижу на диетах, потому что хорошо знаю: это временно, пока мучаешь себя голоданием или чем-то подобным, вес держится, но стоит позволить лишнее, как набирается куда больше, чем сбросила. К тому же стоит только добиться заветного количества килограммов, как выясняется, что идеальный вес распределен на твоей фигуре совершенно неправильно!

Для меня лучше держать в форме мышцы, потому бегаю по Лестнице Последнего Гроша, плаваю в Ериксдалбадет, стараюсь как можно больше двигаться. У меня хорошая растяжка, потому что в детстве занималась хореографией, пока маме не сказали, что я совершенно не гожусь в прима-балерины по физическим данным. Кстати, именно слова преподавательницы «кость широка, сама девочка обыкновенная» и определили мой комплекс. Обыкновенная... это обо мне, я так и осталась в собственной оценке обыкновенной, и ничто не способно изменить это мнение.

Слава богу, преподавательница не говорила об уме, хоть такого комплекса не случилось.

К сожалению, мама никогда не обращала на подобные мелочи внимания, а моя нынешняя уверенная в себе подруга Бритт страдала тем же. Мы обе стеснялись своих тел! Два комплекса рядом только усиливали друг друга, мы могли сколько угодно подчеркивать свою индивидуальность, в очередь за ней парни не выстраивались. Оставалось вопрошать:

– Да нужны ли они нам?!

Следовал ответ:

– Конечно, нет!

Объяснение простое: сказочная любовь бывает только в сказках.

Но так рассуждать хорошо, только когда рядом подруга, а если я останусь одна?

При мысли о таком одиночестве из глаз едва не брызнули слезы. Как уговорить Бритт не бросать учебу в Стокгольме? Мне без нее будет плохо.

Ничего выудить об интернет-издании Бритт не смогла. Раньше в нем вразвалочку занимались журналистскими расследованиями, впрочем, почти безрезультатно, громких разоблачений не имелось, новая владелица намерена все реорганизовать. Мобильные журналистские группы, общая координация дел...

– Ладно, завтра увидим!

– Даг, подожди сдавать дело о самоповешении в архив. Зайди ко мне, есть кое-какие новости.

Вангер чертыхнулся, вот так всегда, стоит решить, что все закрыто, как появляются новые данные или новые жертвы.

Стол Микаэля Бергмана завален бумагами, из-за которых начавшую лысеть голову старшего инспектора почти не видно. Он кивком пригласил Дага присесть и продолжил разговор по телефону.

Вангер сел, хотя возможности расслаживаться не было, как всегда в конце года львиная доля времени уходила на всякого рода отчеты и сводки. Конечно, этим занимается специальный отдел, но они то и дело норовят проконсультироваться, к тому же вдруг выясняется, что кучу безнадежных мелких дел нужно срочно сдать, что-то не оформлено, что-то просто не закрыто...

Положив трубку, Бергман вздохнул:

– Новая напасть на нашу голову – газетчики сунули свои носы в дело о самоповешении. Связались с БДСМщиками, накопили кучу всяких фактов, противоречащих версии самоубийства и требуют расследования на новом уровне.

– Ну, и что их не устраивает?

– Говорят, так не вешаются.

– А то мы без них не знаем! Ни нормальной петли, ни табуретки, выбитой из-под ног...

– Да нет, не так все просто, там какие-то особенные узлы, которые придумал определенный человек – Ларс Юханссон. Понимаешь, есть люди, которые изобретают перпетум-мобиле, а эти вот подвешивание.

– И что?

– Придется и тебе познакомиться с садо-мазо.

– Стоит ли?

– Похоже, стоит. У меня тут есть адресок, свяжись, расспроси, покажи снимки, может, они правы? А нет, так со спокойной совестью изложим мнение специалиста газетчикам.

– Времени нет.

– Да мне самому эта свобода прессы вот где! – Бергман красноречиво показал, как его достали газетчики. – Но отмахнуться нельзя, если они правы, то нас самих подвешат за упушения. Лучшие кое-что отложи, посмотри там сам, что можно.

Вангер только кивнул, прекрасно понимая, что, имея Бергман возможность отмахнуться от соображений газетчиков, он бы с удовольствием отмахнулся. Может, в этом деле и правда что-то есть?

На листе, данном старшим, значились только номер телефона и имя: Леннарт Викстрём. Ладно, придется звонить Леннарту Викстрёму. Только сначала самому посмотреть, что это за зверь – БДСМ. В общих чертах Вангер об этом слышал, но только в общих. А вот пусть Викстрём и объяснит, не лазить же самому по порно-сайтам с розысками! Ему вполне хватало трупов, чтобы изучать еще и самоистязательство.

Дагу Вангеру никогда не нравились извращения, в чем бы извращения ни проявлялись. Даже бабушки, у которых дома по двадцать две кошки – это извращение. Даг придерживался того убеждения, что человечество не зря выработало принципы нормального поведения и считало отклонения от них извращениями, особенно если эти принципы давнишние. Не могли ошибаться миллионы людей, полагавшие, что любить боль свою и чужую – это ненормально. И детей надо делать традиционным способом с женой в постели, а не из пробирки или под потолком.

К сожалению, сейчас много развелось тех, кто считает извращением нормальную жизнь.

На следующее утро пробежку я устроила в сторону Арки Боффиля, надо же посмотреть на место встречи. Погода хорошая, прохладно, изо рта пар, на ногах «Эйсикс-2100», не потому что я помешана на лейблах, а потому что гелевые амортизаторы и впрямь удобны, в ушах наушники плеера с хорошим ритмом, это помогает двигаться, не чувствуя усталости... Все, как всегда, ритмичный бег для здоровья. Побегала в Фатбушпаркене, убедилась, что вокруг вокзала Седре людей полно и в ранний час воскресенья, порадовалась за спокойствие своих обожаемых улочек и вернулась домой. Растяжка, душ, и я готова к собеседованию!

Так считала я, но не подруга.

Бритт выдумывала наряды для визита, складывая вещи в немыслимых сочетаниях. Вот от чего я категорически отказалась, чтобы чувствовать себя хорошо, я должна быть самой собой, а в одежде даже из последней прекрасной коллекции Бритт я таковой не буду, коллекция для девочки-подростка.

– Ну и что ты наденешь?

– Джинсы и свитер.

– Ты идешь к работодателю. Первое впечатление очень важно. У тебя просто не будет второй возможности произвести первое впечатление. – Бритт оседлала любимого конька – мое перевоспитание в лучших традициях американских журналов для женщин.

– Коко Шанель права по поводу первого впечатления, потому я и хочу, чтобы оно было верным. Куда хуже, если мне потом придется соответствовать тому, что для меня самой неприемлемо.

Подругу больше всего смутило мое знание слов великой Шанель.

– Ты знаешь это выражение?

– А она что, говорила по секрету для дизайнеров?

– Но ведь ты идешь на собеседование по поводу работы.

– Бритт, ты в Швеции, а не в Штатах. Здесь не обязательно выглядеть офисной красоткой, чтобы тебя приняли. Тем более, это журналистское расследование. Думаю, журналисту вообще лучше ничем не отличаться от окружающих.

Бритт махнула рукой:

– Уговорила. Но ты не можешь запретить мне испробовать свою вчерашнюю коллекцию.

Хотелось воскликнуть: «О нет!», но я боялась обидеть подругу, в конце концов, это ее право выглядеть непокорным подростком.

Позже я не раз думала, пошла бы на эту встречу, знай, что произойдет, ввязалась бы во все, хотя бы подозревая, в какой кошмар окунусь и сколько всего перенесу, побывав на грани жизни и смерти? И каждый раз отвечала: «Да!» Да, даже если пришлось бы пройти все снова, только ради одной-единственной встречи, я бы согласилась пройти.

Но тогда мысли были радужные, подпорченные лишь пониманием, что подруга после каникул может в Стокгольм и не вернуться. А какую опасность могла представлять предстоящая работа? Разве что испортить Рождество, но до него еще далеко...

Мы пришли вовремя, даже на пять минут раньше, но Курт уже ждал. Кивнув в сторону входа в дом, он почему-то вздохнул:

– Остальные уже там.

– Но мы не опоздали. Еще пять минут.

– Нет, – с новым вздохом подтвердил Курт. Откуда у него эта привычка вздыхать, раньше я такой не замечала, парень как парень. Э, да он, кажется, глазеет на Бритт! Тут вздыхай не вздыхай, ничего не обломится. Бритт восхищается Швецией, но жить явно предпочтет в Америке. А уж замуж выйдет непременно за американского миллионера, бедному шведскому студенту ждать от моей подруги нечего. А уж когда Курт услышит, что и Бритт улетает в Америку... От этой подсмотренной мелочи почему-то стало весело.

– Здесь офис?

– Вообще, это жилой дом, но есть и офисы на первом этаже. Пойдемте.

Если это и был офис, то им не так часто пользовались, а посетителей не бывало и подавно. Трудно определить, насколько он велик, потому что мы видели всего лишь одну комнату, в которой стояли четыре офисных стола в две линии лицом друг к другу, с двумя компьютерами, висела большая доска с магнитами, пустая, потому понять, чем занимаются те, кто включает компьютеры, невозможно, одна из дверей комнаты закрыта, вторая открыта. Рядом с открытой дверью огромное окно, но не на улицу, а в соседнее помещение, видимо, небольшой конференц-зал с овальным столом, аппаратурой и большим экраном. На столе тоже компьютеры.

Мне показалось, что мы всего лишь в просторной квартире, часть которой превращена в офис. Хотя какая разница?

Остальных, о ком говорил Курт, оказалось только двое – рослый парень, смущенно переминавшийся с ноги на ногу, и эффектная девушка, рядом с которой я сразу почувствовала себя бедной родственницей. Но это ничуть не смутило, пусть себе выделяется.

Девушка и Бритт внимательно оглядели друг дружку на предмет мнимого превосходства, каждая явно осталась убеждена в отсутствии вкуса у соперницы, хотя никакими соперницами они не были. Я вспомнила, что видела девушку в университете, она на курс старше. И парень тоже, кажется, он серьезно занимается компьютерами. Во всяком случае, Улофа наши просили разобраться, если возникали проблемы с компами. Улоф и компьютеры внешне не сочетались никак, парень похож на медведя, большого белого медведя. Его короткие словно выбеленные волосы воинственно торчали на загривке, большие плечи сильно ссутулились, а огромные руки, которые Улоф вечно не знал куда девать, если не порхали над клавиатурой, то висели вдоль туловища, повернутые ладонями назад.

Едва мы успели оглядеться, вошел мужчина средних лет и пригласил в конференц-зал. Стульев вокруг стола оказалось шесть, а вот компьютеров пять. Конечно, Бритт была лишней, но ее это ничуть не смутило, в результате без компьютера остался белый медведь. Мужчина с интересом наблюдал за нашим рассаживанием, но подруга вела себя так, словно она и была главной из приглашенных. Мне Бритт тихонько шепнула:

– Ерунда, ведут себя, словно дети. Совершенно безликий офис.

Офис и впрямь был безликим, но не безвкусным. Работать явно удобно.

– Анна Свенссон пригласила нас для выполнения журналистского расследования... – Не успели мы отреагировать на слова мужчины, как тот добавил, повернувшись к двери: – ...О котором она расскажет сама.

В комнату вошла женщина, при виде которой Бритт посмотрела на меня столь выразительно, что я поняла – оправдать свой сегодняшний затрапезный вид перед подругой мне не удастся до конца жизни.

Анна была именно такой красоткой, какой, по мнению Бритт, и должна быть настоящая бизнес-леди. Рослая, подтянутая, ухоженная, все при ней – ноги от ушей, а уши принадлежат гордо посаженной голове с правильными чертами лица, отменной кожей и волосок к волоску уложенной прической. Спокойный макияж, спокойные тона костюма, делового костюма, состоящего из узкой юбки, блузки и пиджака, что редкость в наше время. На руке часы, сами руки ухожены, маникюр неброский, но ногти определенно накладные.

Глаза у Анны Свенссон синие, но именно яркость цвета и незамутненность радужной оболочки сразу вызвала подозрение о линзах. В конце концов, это ее право.

– Здравствуйте. Как уже сказал Оле, я Анна Свенссон и намерена предложить вам работу на время каникул. Давайте сначала познакомимся. Это Оле Борг, он частный детектив и будет возглавлять вашу группу, если таковая состоится. Теперь вы.

– Курт Малунген. Студент.

– Вы?

– Марта Бергер, тоже студентка.

– Я знаю, что вы все студенты. Вы?

– Улоф Микаэльссон.

– Я Бритт Джонсон, тоже студентка, но не журналист.

Губы Анны чуть дрогнули в насмешливой улыбке:

– А кто?

– Я дизайнер. Сюда пришла с ней.

– Я Линн Линдберг.

Почему-то Анна задержала взгляд на нас с Бритт дольше остальных, словно что-то прикидывая. От этого стало чуть не по себе, но я постаралась выкинуть глупые мысли из головы. Может, она просто размышляет вдвоем с Бритт нас выставить или кого-то все же оставить?

– Хорошо. Группа поддержки тоже принимается. Пока вы не решили, будете у меня работать или нет, раскрывать всю информацию не могу, но постараюсь объяснить максимально подробно и ответить на все вопросы, которые возникнут.

Она подошла к большой доске и взяла в руки фломастер.

– Я новая владелица небольшого ежемесячного интернет-журнала, решившая его реорганизовать. Это не секрет, мне кажется, так работать будет удобней. Итак, журнал почти не имеет постоянных работников, зато у нас целых два офиса. Этот – один из них. Работу журнала я намерена построить по принципу постоянного координационного совета, который уже создан, Оле один из его членов, и нанимаемых для разовых расследований журналистов.

Анна нарисовала круг и отвела от него пять линий, на концах которых поставила свои кружочки. Один из них, видимо, изображал нашу группу. Пять линий превратились в двусторонние стрелки, означавшие взаимодействие.

– Журнал занимается и будет заниматься журналистскими расследованиями. В Швеции происходит немало преступлений, от которых полиция либо отмахивается, либо затягивает разбирательство на годы, либо относит к разряду не раскрываемых. Процент раскрываемости даже убийств невысок, а сколько информации пропадает втуне!.. Я не виню полицию, они не всегда могут пользоваться методами, доступными, например, журналистам. Не призываю нарушать закон или чьи-то права, но иногда мы можем узнать куда больше, чем инспектор розыскного отдела. Этим и предлагаю вам заняться.

Бритт, не удержавшись, шепнула:

– Ой, как интересно!

– Интересно? Наверное, но не скрою, может быть опасно. Мы постараемся обойтись без рисков, однако гарантировать вам полную безопасность я не могу.

Теперь усмехнулась уже Марта:

– Опасно даже переходить трамвайные пути.

– Конечно. Но здесь опасность иная. Журналистские расследования все чаще приводят к раскрытию таких преступлений, о которых полиция и не подозревала. Люди далеко не все говорят полиции не потому что хотят скрыть, а потому что сами имеют какие-то тайны. Но сейчас речь не об этом.

– А другие группы чем занимаются, убийствами? – моя подруга никогда не стеснялась выяснять то, что ее интересовало. А интересовали Бритт маньяки и убийства на сексуальной почве, не фальшивомонетничеством же увлекаться!

– Наркотрафик, торговля людьми... Убийство только у нас.

Вот теперь я не сомневалась, что Бритт останется в этой группе, как же убийство и без нее?!

– Возможное убийство, – уточнил Оле.

– Почему именно мы? – в конце концов, почему бы и мне не задать интересующий вопрос?

Анна Свенссон чуть улыбнулась, вернулась к столу, обвела всех взглядом.

– Вы все здесь по рекомендации. Марту я знаю давно, она посоветовала Улофа и Курта, а Курт вас.

Теперь не выдержал уже Курт:

– Зачем тогда представляться?

– Это не для меня, это для вас. Позвольте, я продолжу. Если вы решите поработать, мы заключим с каждым договор на два месяца, оплата, как у журналиста среднего издания. Даже если расследование закончится раньше, оплата будет произведена полностью. Я не стану убеждать вас в важности определенной гражданской позиции и обязанности каждого, особенно журналистов, бороться с несправедливостью, но если вы решите работать, попрошу вместе с договором подписать обязательства о неразглашении. Это тоже важно не столько для меня,

сколько для вас. Тем, кто решит работать, возможно, придется столкнуться с преступниками, ошибка одного может дорого стоить остальным.

Бритт под столом сжала мою коленку. Я прекрасно понимала ее мысли: ловить преступников – это же мечта! Интересно, что она сделает теперь, не полетит в Калифорнию или вообще поступит на факультет журналистики?

Анна Свенссон продолжила:

– Прошу подумать, возможно, кому-то предложенное неинтересно, кто-то решит, что два месяца слишком большой срок, кто-то не захочет рисковать. Я не буду выяснять причины отказа, просто встаньте и выйдите. Но если вы решите работать, то должны помимо сохранения тайны выполнять все распоряжения мои или Оле Борга. Это не каприз начальства, а жестокая необходимость, группа должна работать слаженно, чтобы не только действовать в одном ключе, но и не мешать друг другу. Перед вами образец договора, прочтите, чтобы понимать, что от вас требуется. Повторяю, кому неинтересно, либо что-то мешает, могут нас покинуть.

Анна отвернулась к Оле, словно обсуждая с ним что-то, но сам Оле осторожно косил на нас взглядом. Маскировочка! Как дети.

Договор типовой, не вызывающий никаких вопросов, отличало его от обычного только обязательство о неразглашении полученной информации, кроме как по требованию официальных лиц. Имелась в виду явно полиция.

– Ну, что, уходим?

Реакция Бритт на мой вопрос была вполне предсказуемой:

– С ума сошла?! – Она шипела, как гусак.

А я думала о том, что, подписав договор, Бритт два месяца никуда не уедет, а там и вовсе передумает возвращаться в свою солнечную Калифорнию. Уже ради одного этого стоило согласиться работать на Анну Свенссон.

Никто не тронулся с места, похоже, принять предложение решили все.

Анна внимательно оглядела нас, включая Бритт. Под ее взглядом я почувствовала себя школьницей, сдающей контрольную работу строгому учителю. Появилось желание встать и отрапортовать, что Линн Линдберг к выполнению задания готова. Кажется, у остальных тоже.

– Все остаются? Тогда продолжим. Вы будете работать вместе и врозь. Каждый получит собственное задание и будет его выполнять, уже к завтрашнему дню я продумаю, кто из вас чем займется и каждому сообщу отдельно. Вместе будем собираться раз в неделю, если не появится необходимость делать это чаще. Вызов по телефону, все вопросы к Оле или ко мне. Ваш наставник Оле, он опытный детектив, раньше служивший в полиции, а теперь занимающийся частным сыском. Он прекрасно знает границы, которые вам переходить законом не позволительно, если придется делать что-то сомнительное, лучше посоветоваться с ним. К тому же у Оле есть права, которых нет у вас, и возможности тоже. Зато у него нет вашей коммунибельности, молодости и вообще, пять пар глаз всегда лучше, чем одна.

Я почему-то подумала, включила ли она в эти пять пар глаза Бритт.

– Заполните анкеты и оставьте свои электронные адреса и номера телефонов. В анкетах нет ничего провокационного или того, что может вас беспокоить. Если какой-то вопрос все же смутит, можете не отвечать. Ваши номера такие же, как вы сидите, то есть Курт первый.

– А у меня четвертый или пятый номер?

– Ваша подруга тоже получила анкету, следовательно, пятый. Это мой телефон, а это Оле.

В анкетах были простые вопросы, но составленные так хитро, что легко рассказывали об авторе многое. Например, любимое кафе. Мы с Бритт переглянулись и написали «Рокси» и «Гилдас-Рум». Ничего особенного, да, там собираются преимущественно девушки, но не только.

Сидящий напротив Курт откровенно пытался прочесть мою анкету. Я заметила, как парень поскущел, увидев «Рокси». Неожиданно на наше переглядывание отреагировала Анна, она рассмеялась:

– Эй, не подглядывать! Как дети на контрольной по математике. Только к своим задачам не стоит писать чужие ответы.

Собрав анкеты, Анна отдала их Оле и снова повернулась к нам:

– Договора вы возьмете здесь, – она положила руку на стопку папок, – еще раз внимательно прочтете и принесете на следующую встречу. А теперь о первом деле. Несколько дней назад нашли повесившейся некую девушку двадцати пяти лет. Полиция списала все на несчастный случай, хотя и довольно нелепый. Погибшая увлекалась БДСМ-связыванием, жила одна, связавшись, не сумела выпутаться и просто задохнулась в веревках.

При этих ее словах Оле включил проектор, и на экране появилось изображение подвешенной в немыслимой позе девушки с выпученными глазами и вывалившимся языком. Я быстро отвернулась. Из меня никогда бы не вышел патологоанатом, не могу видеть мертвецов вообще, а уж вот таких тем более. Только успела заметить, что девушка вся связана-перевязана веревками и подвешена к крюку светильника под потолком.

– Кошмар!

Анна сверкнула глазами на Марту, высказавшую свое отношение, и продолжила:

– Нелепая и очень тяжелая смерть, повешение всегда считалось самым мучительным способом казни. Самосвязывание в БДСМ-практике довольно популярно у тех, кто не имеет постоянных партнеров или недостаточно ими удовлетворен. Это опасно, риск много выше, чем при остальных техниках связывания, потому что на помощь никто не придет. Но суть не в этом.

Она вернулась к столу, встала, снова нас оглядела.

– При связывании применена техника, которой владеют немногие и едва ли владела сама погибшая. В БДСМ-сообществе появились сомнения в возможности такого самосвязывания и подозрения, что девушке помогли, оставив умирать.

– Кто?

– Вот это мы и должны выяснить. Хотелось бы.

– Как можно саму себя подвесить? Связать – это я еще понимаю, а подвесить? – Улоф пожал плечами. Он прав, я тоже этого не понимала.

Ответил Оле:

– Если бы вы пригляделись, то поняли схему. Ее ошибка в том, что, качнувшись, девушка уже не вернулась в исходное положение и не смогла дотянуться связанными руками до отцепки, чтобы освободить себя.

– Что такое отцепка?

– С девайсами БДСМ познакомитесь в специальных материалах, которые мы вам дадим, да и в Интернете всякой всячины немало. Но могу сказать коротко: отцепка – это система для быстрого освобождения нижнего в случае опасности.

– Откуда у вас информация?

Анна строго посмотрела на Улофа, задавшего вопрос.

– Позвольте мне не раскрывать своих источников. Я буду сообщать вам то, что смогу, но никогда не буду выдавать собственных информаторов. Так и вам, и мне легче. Поверьте, информация достоверна и проверена. Ваша задача за предстоящий месяц, а желательно чуть раньше, чтобы не портить читателям настроение перед Рождеством, расследовать это дело, используя те сведения, что получите от меня, и собственные умения, разузнать все, что только возможно, заметить, что не заметила полиция и провести анализ полученных данных. Если тот, кого мы подозреваем, виновен, наше дело предложить полиции материалы расследования, чтобы они были переданы в суд.

– А если не виновен?

Теперь Анна внимательно смотрела уже на меня, но я не опустила глаза. Человек может действительно не быть виновным – тогда как – все расследование зря?

– Тогда мы, не называя имен, публикуем все, что смогли выяснить, и читатели получают нечто вроде детективного романа. Напишите роман.

Леннарт Викстрём в восторг от звонка Дага не пришел, скорее напротив.

– Ну?

– Мне нужна ваша консультация.

– Нашли у кого спрашивать.

– Вы занимаетесь БДСМ?

– Это называется быть в Теме. Да, я в Теме. Но я не знаком с Кайсой.

Вангер обратил внимание на то, что парень назвал погибшую по имени.

– Мы могли бы встретиться? Мне нужны не столько сведения о погибшей девушке, сколько консультация опытного БДСМщика.

– Господи, назвали-то как! Ладно, но у меня мало времени.

– У меня тоже. Завтра у вас оно найдется?

– В пять. В другое время не смогу.

– Надеюсь, не утра? Где с вами лучше встретиться?

Викстрём хмыкнул, потом снова скомандовал:

– В «Шупошёфарде», идет?

– Где?

– Это бар. Не знаете такой?

Хотелось спросить, почему он должен знать все бары Стокгольма, но Даг дал себе слово не злиться.

– Нет.

– Седьмой этаж на крыше отеля «Шофард» на Катаринаваген. Скромно, зато вид потрясающий. Стоит побывать. Я буду ждать вас в холле отеля.

Вангер никогда не бывал в этом отеле, потому задал еще один вопрос:

– Как я вас там найду?

– Там небольшой холл и искать не придется. Завтра в пять. Все, меня ждут!

Черт бы побрал этих извращенцев! Нет, конечно, каждый имеет право сходить с ума по-своему, и если кому-то нравится задыхаться в веревках, не нужно мешать, только стоило бы оставить записку о своих намерениях с просьбой никого не винить в глупости, чтобы не морочить головы нормальным людям.

Распрощавшись со всеми, включая Курта, который все же попытался поплакать у меня на груди по поводу предательства Эрики, мы с Бритт отправились в «Гилдас Рум». Можно бы и домой, но, чтобы отвязаться от Курта, пришлось сказать, что у нас встреча в этом кафе. Такие, как Курт, в девичье «Гилдас Рум» не ходят, боясь насмешек. Его наверняка и в «Рокси» не затащишь.

Бритт не упустила возможности посмеяться над парнем, подмигнув:

– А ты небось прямиком в «Торьет»?

По тому, как покраснел Курт, мы поняли, что он там если и не бывал, то уж о репутации ресторана, как любимого места геев, знает точно. Ехидная Бритт притворно вздохнула:

– Что ж, каждому свое...

Чтобы не нарваться еще на какое-нибудь замечание, Курт поспешил распрощаться.

– Теперь он точно решит, что мы лесби.

– Зато перестанет плакать тебе в жилетку из-за измен своей девушки.

– Или наоборот, усилит старания в попытках разобраться с женской точки зрения, почему Эрика предпочла ему поездку с родителями. Как объяснить Курту, что у Эрики может найтись кое-кто получше?

– А ну его!

Мы долго сидели в кафе, обмениваясь впечатлениями и измышлениями. Бритт волновал вопрос:

– Зачем ей все это? Не верю, чтобы можно было так хорошо заработать на сенсации, выложенной в интернет-журнале. Даже если это так, все равно, слишком много затрат на одно расследование.

– Может, Анне платит еще кто-то?

– Кто?

– Например, родственники погибшей девушки.

Мы принялись фантазировать на эту тему.

– Может, родственники состоятельны и их не устраивает работа полиции?

– Кого она в наше время устраивает? Только криминал, который она не трогает.

– А зачем тогда публикации?

– Знаешь, бывает, что вину человека доказать так и не удастся, есть такие осторожные маньяки, но уже то, что его подозревают, поможет избежать следующих жертв.

Как бы я ни морщилась от пристрастия Бритт к теме маньяков, резон в ее словах был. Даже не сумев доказать или просто обнаружить вину убившего девушку человека (стоило бы задаться вопросом, существует ли убийца?), можно вынудить его притихнуть во избежание разоблачения.

– Да, а еще лучше пойти и сдать полицию!

– Ну уж это, Бритт, едва ли.

– А что, бывает и такое. Муки совести, кстати, одни из самых жестоких.

Не знаю, до чего бы мы еще дофантазировались, но на мой телефон вдруг поступил звонок от Анны.

– Линн, я посмотрела ваши данные и хотела бы поговорить. Я уже знаю, что именно поручить вам. Вы не передумали?

– Нет. Я готова встретиться.

– Приходите.

– Прямо сейчас?

Что у нее за спешка?

– Вы ведь живете на Сёдермальме? За вами прислать машину? Где вы?

– Не нужно машину, мы на Нютюрет в «Гилдас Рум».

Анна тихонько рассмеялась в ответ.

– Если не слишком заняты, подходите по прежнему адресу, я покажу кое-какие материалы и все объясню. Понимаете, каждый день на счету...

– Но я не одна...

– Приходите с Бритт.

Я терпеть не могу, когда диктуют, что мне делать. Если попросить, сделаю, что угодно, даже то, чего не могу терпеть (в разумных пределах), но командовать мной нельзя. Любые распоряжения командным тоном вызывают протестную реакцию и жгучее желание сделать наоборот даже в ущерб себе.

И сейчас такое желание было, но вопреки собственной натуре я почему-то согласилась. Что-то в голосе и самом существовании этой Анны Свенссон заставляло поступать именно так, как она требовала.

Нет, Анна не требовала, она просила, но просьба бульдога не делать ни шагу вперед на его территорию или убраться восвояси обычно не обсуждается, а выполняется. Или просьба удава,

обращенная к кролику, зовущая его прямо в пасть. Однажды я видела такие кадры: воробей, отчаянно пища, скакал прямо к удаву. Сейчас я совершала нечто похожее.

Анна ждала нас и на вызов домофона дверь открыла сразу.

– Прошу. Давайте перейдем на «ты», так удобней работать. Если вы обе не против.

– Нет-нет, – почему-то бодро заявили мы в один голос, хотя я не очень представляла, как буду тыкать Анне, годившейся нам почти в матери. Может, потом, когда-нибудь...

Она показала на стулья за столом уже в первой комнате, сама села напротив и вдруг сняла туфли, вытянув ноги на соседний стул:

– Прошу извинить, но целый день на каблуках тяжело. Это не для меня.

И от этого неожиданного поступка она стала вдруг нормальной, простой и понятной.

– Ничего, ничего!

– Линн, твои данные показались мне подходящими для выполнения, пожалуй, основной и самой важной части задания. Тебе предстоит познакомиться с человеком, которого мы подозреваем. Здесь несколько сложностей, но я надеюсь, что ты справишься.

Она кивнула на компьютер:

– Включи. На него стоит посмотреть.

Я пошевелила мышь, и на экране действительно появилось изображение... о, я даже не знаю, как описать то, что мы увидели. Это было сошедшее с Небес божество, но только не женственный Аполлон. Фигуры не видно, только лицо, шея и часть плеча, но и так понятно, что мышцы имеются, но не горой, а красивыми буграми. Меня поразили глаза. Почему-то черные ресницы у девушек смотрятся вполне обычно, а такие же у мужчин сногсшибательно. Красивые надбровные дуги, густые брови и частокол ресниц над серыми глазами с одной особенностью: большие зрачки и радужка, словно обведенная черной линией. Это неотразимый вариант, такие глаза пропустить невозможно.

Еще можно добавить высокий красивый формы лоб, аккуратные уши, блестящие волосы, непокорных прядей которых так и хотелось коснуться, шея, которой могли бы позавидовать многие девушки, и мужественный подбородок с едва заметной ямочкой.

Бритт даже присвистнула:

– Вот это да!

Анна в ответ рассмеялась:

– Я надеюсь, вы не увлекаетесь мужчинами?

– А он гей?

– Не думаю, хотя все может быть... Сейчас возможно все.

Мы согласились, я все так же молча, а Бритт громко фыркнув.

– Я отдам вам все изображения, только прошу не переносить в свой компьютер, смотрите с флэшки.

– У нас есть не подключенный к Интернету! – зачем-то заявила Бритт.

– Неважно. Это Ларс Юханссон. Его увлечения – викинги и все с ними связанное и БДСМ. Ларс в БДСМ – Мастер шибари, хотя назвать это настоящим шибари нельзя, он так много привнес своего, что это уже его личная практика.

– Что такое шибари?

– Это японская техника связывания, посмотрите в Интернете. Именно его узлами была связана погибшая девушка. Юханссон давно не практикует, партнерш не имеет, а если и имеет, то они скрыты, но с погибшей некогда был знаком.

– Откуда вы знаете?

– Мы перешли на «ты». И договорились, что я не буду раскрывать своих осведомителей. Не отрицаю, что методы не всегда законны, потому и не желаю тебя подставлять. Пока ты ничего не знаешь, ты не можешь отвечать. Так лучше. Позднее я добавлю информацию, пока

о БДСМ достаточно, все, что нужно найдете сами. Для нас важно, что Ларс Юханссон как бэдээсэмщик совершенно недоступен. Он не желает ни проводить уроки мастерства, как делал когда-то, ни демонстрировать свои умения.

– А полиция об этом не догадывается? – вполне резонно усомнилась Бритт.

– Знает и даже допрашивала Юханссона, но у него алиби, – красивый жест красивой руки, выражающий несогласие и почти презрение.

– Которому вы не верите?

– Почему же, верю. Но алиби можно организовать. Что такое заявление слуги, что хозяин ночевал в своем замке на острове? Да еще и такого, который служит в доме много лет, став практически членом семьи. Привратник стар, собаки хозяина обожают, да и показаний дать не могут. Вот до этого человека нужно добраться, хорошо бы попасть к нему в дом, узнать как можно больше о нынешних привычках, распорядке дня, недели, месяца. У него большой дом, практически замок на острове.

– Вы хотите, чтобы я вплавь добралась до острова, отравила собак и обыскала замок с лупой в руках? Боюсь, что не гожусь в Джеймсы Бонды в женском обличье.

Анна рассмеялась:

– Я в этом не сомневаюсь. Нет, к нему нужно попасть по его собственному приглашению.

– Тогда лучше поручить Марте, у меня не получится.

– Мне не нужен роман с Ларсом Юханссоном. И Марта будет заниматься совсем другим – одним из его приятелей Оскаром. Ты забыла об основном занятии Юханссона, он специалист по культуре викингов. Насколько я помню, у тебя тоже есть работы, этому посвященные.

Я почему-то не удивилась ее осведомленности в отношении моих прошлых интересов и занятий. У меня дед увлекался викингками не на шутку, у него огромная библиотека на эту тему, а у бабушки до сих пор много всякой всячины вроде боевых топоров или набора рун, хотя и неполного. Мне очень нравились рассказы о морских походах на драккарах, суровом быте, воинской доблести хозяев морей. Я даже писала на эту тему, Анна права.

– Но если Юханссон никого не приглашает к себе, почему он должен сделать исключение для меня?

– Мы познакомим тебя с ним, используя свои каналы, но он не должен ничего заподозрить. Твое дело войти в доверие и подробно разузнать все о его нынешней жизни, в которую Юханссон не допускает никого.

– И все же, почему вы решили, что он допустит меня?

– Именно потому, что меньше всего похоже, что ты им интересуешься. Для диссертации тебе нужны материалы о викингках, лучше если это будут не сухие факты, а вдохновенный рассказ любящего свое дело специалиста. Ты должна вжиться в ту эпоху, прочувствовать все настолько, чтобы получилась не обычная диссертация, а настоящая поэма. Линн, даже если Ларс Юханссон ни в чем не виновен или тебе ничего не удастся раздобыть, разве не интересно пообщаться с человеком, который знает о викингках все или почти все?

– Интересно.

– Как жаль, что я уезжаю, – Бритт произнесла это в сердцах и тут же прикусила язык, сообразив, что проболталась.

Я сделала вид, что не заметила, а вот Анна кивнула:

– Я обратила внимание на приписку. Когда уезжаешь?

– Улетаю домой на каникулы, вернее, на свадьбу двоюродной сестры.

– Жаль, могла бы подключиться. Вернемся к тебе, Линн. Главное – не проболтайся, потому что одновременно с тобой парни и Марта будут собирать материал о погибшей, ее связях, возможных связях с Юханссоном и многим другим. Стоит тебе сказать одно лишнее слово, и вся их работа пойдет в мусорную корзину, если Юханссон догадается, что ты каким-либо

образом со мной, вернее с журналом, связана, то не подпустит к себе и на шаг. Журналистские расследования ему не нужны. Диссертация и только диссертация.

Если честно, то вся эта заваруха уже перестала мне нравиться. Вместо того чтобы, досрочно сдав контрольные работы и освободив дополнительное время, отправиться на каникулах на целых полтора месяца к бабушке в Бюле покататься на лыжах, а то и просто поваляться на диване с книжкой в руках, я ввязывалась в опасное знакомство с каким-то красавцем, который, вполне возможно, обыкновенный убийца! Да нет, не обыкновенный. Он еще мастер по японскому связыванию (результат – задохнувшаяся в петле девушка) и знаток истории викингов.

Викинги мне интересны, а вот БДСМ ни в малейшей степени, в нем, насколько я помню, кроме связывания практикуется еще и порка. И как я должна смотреть в глаза этому монстру, который порет женщин и подвешивает их вниз головой с риском для жизни? О том, что и меня могут подвесить или выпороть, старалась не думать.

– Перед первой встречей с Юханссоном мы тебя еще проинструктируем, а пока просто посмотри фотографии и материалы, которые мы смогли собрать. Прежде всего викинги, ведь по легенде ты интересуешься именно ими. Пока не лезь в БДСМ, чтобы не выдать настоящий интерес к Юханссону. Я надеюсь, пары дней нам хватит, и тебе тоже. И пожалуйста, никому ни слова, то, что знают двое, знают все. Не поставь под удар работу других...

Она явно не так хотела закончиться фразой, но сдержалась. Мне показалось, что недосказанным было «и их жизнь». Нечего сказать, оптимистично!

Первое, что заявила Бритт, когда мы вышли из офиса Анны:

– Линн, я правда, на свадьбу Джоан.

– Что?

– Ты обиделась? Но Джоан выходит замуж, я должна побывать на этой свадьбе, иначе они решат, что я спасовала. – В зеленых глазах подруги почти отчаянье, редкий случай, когда Бритт сомневается в своем поступке.

– Я ничего не понимаю. Повтори. Кто такая Джоан?

– Моя двоюродная сестра. Она выходит замуж. Я обязана побывать на их свадьбе, чтобы не выглядеть идиоткой.

– Почему?

– Да потому что она выходит замуж за Джека! – Бритт со злостью пнула ногой столбик ограждения, словно тот был виноват в предстоящей свадьбе.

– Постой, Джек ведь твой парень?!

– Мой бывший парень. Вот поэтому я объявила, что желаю быть подружкой невесты!

– А... ты выдержишь? Ты уже потеряла к Джеку интерес?

– Конечно. Я здесь насмотрелась столько, что Джек для меня просто тьфу! – Она отчаянно жестикулировала, чем вызвала улыбку у пожилой пары, шедшей навстречу. – Понимаешь, Джек считает, что лучшая жена – это домохозяйка, у которой кругозор ограничен домом, детьми, супермаркетом и салоном красоты.

– Фитнес забыла.

– Что?

– Занятия спортом забыла. – Я с улыбкой смотрела на бунтующую подругу. Как надолго хватит ее запала?

– А, да... Раз в неделю встреча с подругами в бездарном кафе, дважды в месяц парикмахерская, по праздникам спектакль под названием «счастливая семья». Фи!

– А что тебе нужно?

– Творческая свобода. Я хочу создавать свои наряды, а не покупать готовые комплекты, в которых за меня продумали все от пальто до трусиков. – Она шла спиной вперед, размахивая руками перед моим лицом.

– Только поэтому ты бросила Джека?

Бритт остановилась как вкопанная.

– Пойдем в «Силветто»!

– Немного не по пути.

– Ерунда, пойдем. Там такой жилет!.. М-м-м... даже я бы не додумалась.

– Может лучше в «Грандпа»? – со слабой надеждой поскорей попасть домой выдавила я. Все же «Грандпа» на Сёдермангатан, совсем рядом с домом. Бритт «успокоила»:

– Туда на обратном пути.

Стало ясно, что домой мы вернемся к вечеру. Если подруга решила посетить дизайнерские бутики, пиши пропало, тем более, в «Силветто» все в обожаемом ею стиле 50-х, а в «Грандпа» полным-полно безделиц, вызывающих у Бритт восторженный писк и закатывание глаз. Если учесть, что у нее банковская карта без ограничения кредита, то неудивительно, что наша квартира битком набита разной дизайнерской дребеденью.

От полного захламления (я вовсе не считаю дизайнерские штучки хламом, но они хороши только в разумных количествах) нас спасает еще одна страсть Бритт – делать подарки всем вокруг. Часто покупки даже не распаковываются и немного погодя отправляются к новому хозяину.

Сейчас пара сумок Бритт набита мелочью, я понимаю, что это привет Америке, и не спорю. Но все же подруга покупает больше, чем раздаривает.

Мы свернули на Катаринабангата, а там рядом и Мальгадсваген с «Силветта».

Пока шли, я вернула Бритт к теме чужой свадьбы:

– Когда она?

Бритт развернулась спиной по ходу движения, чтобы видеть мою реакцию.

– Через десять дней. Линн, я только туда и обратно, даже Рождества ждать не буду, скажу, что мне нужно сдавать долги.

– В Сочельник?

– Ага! – рассмеялась подруга.

– Так ты собираешься вернуться? У тебя же билет только в одну сторону, – недоверчиво поинтересовалась я. Если скажет что-то вроде «ну да...», значит, не собирается.

Но Бритт снова встала как вкопанная, заставив велосипедиста вильнуть в сторону.

– Куда?

– В Стокгольм. Уйди с велосипедной дорожки.

– Я могла не вернуться? – Она вдруг сообразила, о чем я беспокоюсь. – Ты думаешь, я могла не вернуться?! А откуда ты знаешь про билет?

– Видела на столе.

– И молчала?

– Но и ты молчала.

– Я не знала, как тебе сказать, боялась ты обидишься, что не смогу быть здесь в Рождество. Ведь ты же звала меня к бабушке в Бюле. Мне очень хочется туда, Линн, правда, но я должна быть на свадьбе. А билет в одну сторону, потому что обратных нет, придется брать там. Я постараюсь вернуться к Рождеству. Ты не обиделась?

– Нет! Бритт, ты чудо! Знаешь, передай мой поцелуй Джеку и еще... Нет, я напишу ему сама, напишу, что он потерял самую лучшую девушку на свете.

– Не смей! Я вовсе не желаю, чтобы он думал, что я жалею о нашем разрыве. Ну его, ну их всех.

Пока ходили, позвонил Йен:

– Линн, не желаешь сходить в «Дебазер», там сегодня хороший концерт?

– Нет, я занята.

– Чем это? – похоже, мой бывший еще не до конца поверил в то, что теперь я сама по себе.

– Работы много, извини.

Только бы не поинтересовался, что за работа на каникулах. Если спросит, скажу, что решила сдать за один семестр программу двух. Но Йен не спросил, ему все равно, он предпочел сообщить другое:

– Я по тебе скучаю.

– Ничем не могу помочь.

У меня не было никакого желания начинать новый виток отношений с бывшим любовником.

– Может, я все-таки заеду вечером? Это же рядом с вами на Слюссене.

– Нет, Йен, правда, не могу.

– Ну как хочешь.

Бритт подвела итог:

– Теперь он за тобой будет бегать, помяни мое слово!

– Пусть бежит. Пойдем, нужно же посмотреть материалы, которые дала Анна.

Лучше бы мы гуляли по магазинам до самого вечера, лучше бы я отправилась с Йеном на концерт, а потом он остался ночевать у меня, лучше бы вовсе не открывала вчера почту, не читала письма Крута и не ходила к Анне... Где мое вчера, когда еще все можно было исправить?!

Первая фотография божества по имени Ларс Юханссон, которую мы видели в офисе Анны, оказалась худшим из его снимков, в этом я удостоверилась через две минуты, стоило только открыть файл.

Бритт даже не свистела, она просто плюхнулась на стул рядом со мной и молча тараторжила на экран.

И с этим человеком мне предстояло познакомиться, делать вид, что я чего-то стою, выпытывать у него, выведывать и врать! Я поняла, что пропала, погибла и ничто уже не спасет. Вот она любовь с первого взгляда по одним фотографиям, вот он принц на белом коне, все так, за исключением одного – и принц, и его конь не для меня, а мне остается только безответная любовь и... навоз его Пегаса. Или Буцефала... Или... кто там у нас еще есть из знаменитых коней? Кентавр Хирон, например.

– Бритт, можно влюбиться в человека по фотографии?

– Можно, – вздохнула подруга. – Я тебе сочувствую, но помочь ничем не могу. Только знаешь что, моя интуиция, – Бритт приложила руку к желудку, словно интуиция лично у нее располагалась именно там, – подсказывает, что тебе не стоит отказываться от встречи с этим, – она осторожно кивнула на экран монитора, словно изображенный там красавец мог нас подслушать.

– Зачем? Чтобы влюбиться окончательно и выдать себя с головой в первую же минуту?

– А хорошо, что Анна дала его фотографии, ты хотя бы подготовишься морально. Представляешь, какой был бы шок, не будь ты готова.

Да, Бритт права, во всем есть свои положительные стороны. Но в том, что снимки оказались у нас сегодня, я увидела другое – возможность отказаться от задания. Отказаться, пока не поздно, пока есть возможность заменить меня Мартой, например.

Услышав такие рассуждения, Бритт просто взвыла:

– Ты отдашь этого красавца Марте?!

– Ты так говоришь, словно он мне принадлежит. Господи сделай так, чтобы он не пожелал читать мне лекции о жизни викингов.

– Совсем с ума сошла?! Ну-ка, открывай дальше файлы, тебе нужно серьезно подготовиться. Что там у них о викинггах?

Бритт права, нужно подготовиться. Если это божество действительно знаток, то провал может оказаться не только полным, но и позорным.

Подбор материалов был недурным, но далеко не достаточным. У бабушки в библиотеке я читала больше. Дед мечтал сделать из меня историка, бабушка балерину, папа скрипачку, а мама бизнес-леди. Преуспели все понемногу, и никто окончательно. В балет меня не взяли ввиду профнепригодности, на скрипке я играю довольно профессионально, но только те произведения, которые мне нравятся (что свидетельствует о вопиющем непрофессионализме), объем знаний, полученных в библиотеке бабушки, немалый, но тоже сугубо избирательный, а успешной дамой я не смогу стать никогда, это исключено. Мне даже профессию окончательно выбрать трудно. Журналистика не мое, я слишком зажата, может, сравнительная литература и история идей окажутся более приемлемыми? Йен смеялся надо мной, мол, если человеку уж совсем нечем заняться, он учится на факультете истории идей. Мой бывший неправ, потому что вся история развития человечества это история развития его идей. Но спорить с рациональным Йеном я не стала...

– Линн, давай поиграем?

Подруга кивает на вытасканные из футляров скрипки. Я беру одну, Бритт вторую. Дело в том, что мы обе совершенно «неправильные». Вместо того чтобы проводить вечера в барах или клубах, время от времени дуэтом играем на скрипках, а бывает и просто затягиваем одну мелодию в унисон. Бритт еще хорошо играет на рояле, а я плохо. Стоило бы позаниматься с подругой, но рояль в нашей квартирке не поместится, разве что спать под ним или на нем. Мы решили не рисковать с акробатикой во сне и обошлись скрипками.

Бритт могла стать профессиональной скрипачкой, она училась много лет, однако, побывав в аварии, повредила кисть левой руки и подолгу держать скрипку не может. Но подруга нашла другую творческую стезю, она дизайнер. Пока будущий.

Мне профессиональная музыкальная карьера не грозила, я заявила сразу, что играть буду только ради удовольствия. Однако, двенадцать лет серьезных занятий скрипкой даром пройти не могли. Музыкальные способности у меня от папы, он действительно профессионально занимался музыкой. Но между разъездами по всему миру с концертами или такими же с рюкзаком выбрал второе. Теперь папа фотограф, который вечно в экспедициях по таким местам, где не ступает нога туриста. Мама не вынесла музыканта, фотографа да еще и вечно отсутствующего любителя экзотики в одном лице. Теперь у нее своя жизнь с бизнесменом, который водит ее по театрам, выставкам, но чаще ресторанам и магазинам.

С папой мы видимся редко, когда он приезжает, то живет у бабушки в загородном домике в Бюле. Там на втором этаже у нас с ним по комнатке, в эту комнатку я стремлюсь больше, чем в роскошную мамину квартиру на Кунгсгатан. Когда приезжает папа, мы часто играем дуэтом, иногда это две скрипки, иногда скрипка и рояль.

Играя вместе с Бритт, я всегда вспоминаю папу, он просил не бросать музыку в его отсутствие. А Бритт вспоминает свою любимую учительницу Дженнифер.

Бритт кивает и берет первые аккорды «Зимы» Вивальди. Я тоже киваю и присоединяюсь, сегодня ведущая Бритт, я аккомпанирую. Пока было тепло, мы устраивали концерты при открытых окнах, под которыми собирались все соседи. Но тогда солировала я, потому что Бритт действительно тяжело долго держать гриф. Сегодня пусть, это недолго.

«Шторм» я играю уже сама, Бритт только отбивает такт ногой, буквально заглядывая мне в рот. Интересно, что я вообще-то довольно мягкая и безвольная, такие произведения, как это, играю в техно – жестком стиле Ванессы Мэй.

Вангер опаздывал, оправдываться перед Викстрёмом не хотелось, потому Даг спешил, мало обращая внимания на неудобства, которые создавал прохожим. Он решил не ехать на машине, а потому от метро «Слюссен» почти бежал. На Катаринаваген Вангер столкнулся с двумя девушками и никак не мог разойтись. Так бывает, когда встретившиеся люди пытаются уступить дорогу друг другу. Закончилось тем, что девушки весело рассмеялись и подняли вверх сцепленные руки, позволяя Дагу скользнуть под ними. В другое время он тоже рассмеялся бы, но сейчас некогда. Где там этот «Шоффард»?

К счастью, отель располагался почти сразу за углом.

Леннарт Викстрём оказался форменным качком, в лапы которого даже нехилый Даг предпочел бы не попадать. Он сидел слева от входа на диване, единственном в действительно небольшом холле скромного отеля.

Викстрём сделал знак Вангеру, но навстречу не поднялся.

– Сначала два слова...

– Вы знали, как я выгляжу?

Леннарт пожал плечами:

– Кто еще стал бы разглядывать холл, едва войдя в двери? Если вы хотите говорить со мной о Кайсе и ее прежних связях, я пас.

– Мне нужно показать вам несколько снимков, чтобы вы высказали свое мнение, можно ли было так подвеситься самой.

– Я не Мастер ишибари.

– Тогда посоветуйте кого-то.

Несколько мгновений Викстрём внимательно изучал собеседника, потом поднялся на ноги:

– Пойдемте, не здесь же сидеть.

В бар вел обычный гостиничный коридор, довольно узкий и ничем не примечательный., Даг уже решил, что Леннарт ведет его в свой номер, но в конце коридора обнаружился выход наверх. Сам бар Вангера тоже не впечатлил, а вот открывающийся вид был замечательным. Рабочий день еще не закончился, потому удалось найти столик с видом на залив. Зимой темнеет быстро, но огни Эстермальма вдали впечатляли. Даже не хотелось говорить об убийстве. Вангер для себя решил обязательно привести сюда... кого бы привести? Наверное, Фриду, с которой уже второй год работал в одном отделе.

Леннарт вернул его на землю:

– Какие там у вас вопросы?

– Вот, посмотрите. Она могла сама так подвеситься?

Взяв в руки снимки, Викстрём хмыкнул:

– Ни хрена себе! Вообще-то, могла. Если полная дура. Среди любительниц связываться самим такие встречаются, но, как я слышал, Кайса этим не страдала. Знаете, кто специалист по таким штучкам?

– Кто?

– Ларс Юханссон.

Дагу понадобилось усилие, чтобы не выдать свои мысли. Снова этот Юханссон!

– Он занимается БДСМ?

– Вообще-то, нет, но кто может сказать наверняка? Те, кто в Теме, не кричат об этом на улицах. Спросите у него.

Вангер вроде разглядывал вид из окна, в действительности размышляя, не пытается ли Викстрём попросту утопить Юханссона. Или подставляет его, точно зная, что у того алиби? Даг не слишком доверял всем этим, для которых нормальная жизнь это «ваниль».

– Вы знаете телефон Юханссона?

– Нет, мы с ним не играли в одной песочнице. Найдете, он личность в Стокгольме известная. – Поза вальяжная, нога на ноге, в руках какой-то брелок, глаза смотрят почти с вызовом. Край верхней губы время от времени слегка приподнимается, выдавая скрытое презрение. Викстрём достаточно умен, чтобы не демонстрировать его откровенно, но Вангер изучал мимику и знает, что лицевые мышцы выдадут то, что человек желал бы скрыть.

– Чем известен Юханссон?

– Богат, как Крез.

– И при этом занимается вот таким?

*– Вы считаете, что Тема удел нищих? Совсем нет. Поговорите с Юханссоном, он обо-
жает веревки.*

Леннарт Викстрём явно чего-то недоговаривал, если вообще не лгал. Он знал больше, чем изволил сказать, но Вангер решил пока не выдавать своих подозрений, чтобы не отпугнуть.

– Хорошо. Если мне еще понадобится ваша консультация, я могу позвонить?

Бровь Леннарта приподнялась:

– Я не нанимался консультировать полицию.

Теперь пожал плечами уже Вангер:

– Я могу и вызвать, но в моем кабинете нет такого вида из окна...

Разговаривать с этим качком больше не хотелось. Сухо простившись, Даг встал, так ничего и не заказав. Злило не нежелание Викстрёма разговаривать или выдавать секреты, а потеря драгоценного времени. Если эти журналисты такие ловкачи, могли бы и сами разузнать то, о чем говорят, помочь полиции. Но они если узнают, то выложат это на своих страницах с комментариями, мол, видите, какова полиция!

Бритт пора собираться, хотя в основном вещи сложены. Она почти ничего, кроме сувениров, не брала с собой. Я видела, как ей хочется остаться, но видела и то, что мысленно она уже больше дома. Даже интерес к необычной работе здесь не мог перебить мыслей о предстоящей свадьбе ее бывшего парня и двоюродной сестры.

У меня свободный день, пока Анна и Оле устраивали знакомство с красавцем Ларсом Юханссоном, я могла спокойно проводить Бритт.

Уже надев куртку и зашнуровав кроссовки, Бритт некоторое время задумчиво смотрела на меня, а потом вдруг бросилась в свою комнату.

– Забыла что-то?

– Линн! – Черт возьми, что за торжественный тон? Бритт действительно торжественно преподнесла мне книгу в кожаной обложке. Никогда такой у нее не видела. – Линн, послушай... Эта книга на английском, но ты им владеешь настолько, чтобы понять, что написано.

– И что в ней? – я уже заинтригована.

– Это пособие для настоящих женщин! Пожалуйста, не смейся и обещай прочитать, хотя бы основные положения. Тебе предстоит встреча с самым красивым мужчиной в мире, и я хочу, чтобы ты произвела на него определенное впечатление.

– Ты полагаешь, что при помощи вот этого пособия я уже к завтрашнему дню стану потрясающей красавицей, от одного взгляда на которую Ларс Юханссон грохнется на колени, сложив руки в мольбе о внимании?

– Я просила не смеяться. Это Шерри Аргов «Хочу быть стервой».

– Бритт, умоляю, я не хочу быть стервой.

– Я тоже, хотя здесь слово «стерва» в хорошем смысле. Я не знаю, будет ли между вами с Ларсом Юханссоном что-то, – она жестом останавливает мои возможные возражения, – даже не знаю, состоится ли вообще знакомство, но если вдруг, слышишь, Линн, если вдруг тебе понадобится совет, как вести себя с этим мужчиной, полистай книгу.

– Бритт, ты часто ею пользовалась?

– К сожалению, никогда. Но ты меня поймешь, в последний раз ты разговаривала со своим Йеном именно так, как это следовало делать с самого начала, и теперь твой бывший готов лизать подошвы твоих ног. Ладно, мне уже пора. Возьми книгу и не закидывай ее на дальнюю полку. Обещаешь?

Пришлось пообещать.

По дороге она еще несколько раз брала с меня торжественные клятвы пролистать сей учебник по стервологии и воспользоваться им в случае необходимости.

– Бритт, это уже пятое мое обещание, может, хватит? Если ты не веришь пяти первым, к чему давать еще пять?

– Прости, я верю, просто хочу лишний раз напомнить. Пожалуйста. Линн, что-то мне подсказывает, что все будет не просто.

Расцеловавшись на прощание и пообещав звонить друг другу каждый день, мы наконец расстались. Но теперь я хотя бы уверена, что Бритт вернется, разве только свадьба расстроится, но, похоже, подруге этого уже не хотелось. Напротив, она мечтала блеснуть своей оригинальностью и европейским лоском. Я не рискнула напоминать Бритт, что этот лоск могут просто не понять, поскольку в Америке совсем другие понятия красивого и полезного и функциональная простота шведов там может быть воспринята почти как бедность.

Я была еще в аэропорту, когда позвонил Оле, пригласил на беседу. Если честно, не хотелось. Бритт уехала провожать сестру-соперницу к алтарю, а я должна заниматься каким-то то ли убийством, то ли несчастным случаем, выясняя у красивого мужика:

– А не вы ли, простите, уколошили свою знакомую? А вы ее сами связывали или только консультировали? А она сразу задохнулась или еще минут десять дергалась, умоляя вытащить ее из петли? А вы потом сразу домой поехали или в ресторан заглянули отметить удачное убийство?

Чего ему не хватало, если у него все есть? Чем могла эта девушка досадить божественному Ларсу Юханссону, доведя его до преступления? Или он маньяк?

Я даже оглянулась в испуге, проверяя, не слышит ли мои мысли Бритт, потому что,образи такое подруга, она бы уже заставила самолет развернуться или выбросилась на парашюте. Как же разоблачение маньяка, и без нее?!

Если честно, то была еще одна мыслишка, которую я старательно от себя гнала: что такого в этой обычной с виду девушке нашел красавец Ларс Юханссон, чтобы связывать и даже убивать?

Последние дни ноября не самое лучшее время, наверное, во всей Европе, а уж в Скандинавии и подавно. Ветер холодный, листьев на деревьях уже почти нет, пасмурно, серо, промозгло... Если снег идет, то мокрый и с дождем. Настроение дрянное.

Скорей бы уж выпал нормальный снег и температура опустилась ниже нуля. Снежные сугробы в Стокгольме – очень красиво, но это ближе к Рождеству.

Я села в экспресс от аэропорта Арланда к центру и привалилась к стеклу, прикрыв глаза. Смотреть на лужи за окном, покрытые из-за ветра рябью, не хотелось. С утра пытался идти снег, опять мокрый, и вместо сугробов каша под ногами, растекающаяся серыми холодными лужами. Какие все же разные лужи весной и осенью. Весной может быть тоже холодно, и ветер ледяной и даже пасмурно, но в воздухе разлитое ожидание тепла и солнца, потому на облака,

отраженные в лужах, хочется смотреть бесконечно. А сейчас не хотелось, напротив, было желание прикрыть глаза и повздыхать над своими так странно складывающимися каникулами.

Не тут-то было, соседкой оказалась весьма разговорчивая полная дама средних лет, почему-то уверенная, что она владеет шведским. Она беспрестанно что-то спрашивала. Разобраться в мешанине неправильно произносимых слов было трудно, я попросила перейти на английский.

– А вы говорите по-английски?! – искренне удивилась дама.

– Конечно, почему нет?

– Я не ожидала.

Оставшуюся часть пути я терпеливо разъясняла, что «Сергель Плаза» находится в самом центре. Правда, смотря что считать центром. Да, это Норрмальм. Да, она все сможет увидеть, даже не беря такси. От Сергель два шага до Гамла Стана и до Королевского дворца, и до Ратуши, и до Королевского театра. Ей просто повезло... Ей всегда везет...

Когда экспресс наконец прибыл, голова у меня просто гудела. Соседка долго вынимала свои сто килограммов из довольно узкого кресла, потом так же долго пропихивала их по ходу. Пользуясь тем, что ей необходимо было достать вещи из багажного отделения, я поторопилась распрощаться и затеряться на Центральном вокзале. Не слишком вежливо, но провожать ее на Сергель у меня не было ни малейшего желания.

Нырнула в метро, вышла на «Слюссен» и отправилась по своей любимой Йотгатан пешком, поскольку время до встречи с Оле еще было. Требовалось встряхнуться и еще раз осмыслить положение. Не у одной Бритт интуиция, моя тоже подсказывала, что я ввязываюсь во что-то, что не пройдет даром.

Словно в подтверждение этого взгляд наткнулся на вывеску магазина «Монки», над которым, по версии Стига Ларссона, располагался «Миллениум». А дальше на площади Мердборьярплатцен встретились то ли трансвеститы, то ли транссексуалы, не поняла, но видеть здоровенных мужиков, разодетых в женские тряпки, раскрашенных, как проститутки в дешевых борделях прошлого или позапрошлого века, на каблуках, хихикающих... было неприятно. Я не против отклонений – если они есть, никуда не денешься, но когда мужской с подвизгиванием голос верещит на всю улицу «Девочки, девочки...», меня коробит.

Пятерке мужчин с накладными бюстами наплевать на мои воззрения, они, продолжая веселиться, уселись в три машины и с ветерком покатали к Слюссену в сторону Гамла Стана.

Пока шла до Арки Боффиля, размышляла о своем отношении к геям, лесби, трансвеститам и прочей публике. У меня определенно гомофобия. Сейчас для нормальной шведки это неприемлемо, а уж для журналистки тем более. С этим надо бороться, и я честно пыталась.

В начале августа отправилась смотреть уже ставший привычным для Стокгольма уже гей-парад. Вовсе не потому, что мне нравится это зрелище, скорее из журналистского любопытства. Я натуралка, что в Швеции (во всяком случае, в Стокгольме) скоро будет считаться болезнью. Сейчас признаться, что ты натурал и любишь свою жену, не имея связей с мужчинами, как и женщине, что она предпочитает только своего мужа – почти признание в частичной неполноценности.

Я вовсе не ханжа и считаю, что каждый может выбирать себе пару по нраву: любишь крепкие мужские попки вместо женских – люби, обожаешь секс с фаллоимитаторами в руках у лесби-подружки – твое дело. Никто не мешает предпочитать накладные груди, женские чулочки и туфли 45-го размера на каблуках, помаду над чисто выбритыми подбородками и красные накладные ногти на крупных мужских руках. Но все это должно быть красиво. Красиво для меня значит спортивно, подтянуто и со вкусом.

Когда у гея из-под майки выпирает заросший волосами пивной живот, а шорты сползают с талии просто потому, что ее нет, мне наплевать, гей он или натурал, я вижу только

этот самый живот. У лесбиянок слишком часто обвисшая грудь, у садо-мазо вопиющий целлюлит, а наряды трансвеститов вызывающе безвкусны из-за кислотных оттенков, обилия кружев и выпяченной сексапильности. Накладные груди больше похожие на футбольные мячи, боевая раскраска, напоминающая маску клоуна, лично у меня симпатий к человеку не прибавляет, опять-таки не как к трансвеститу, а как к не имеющему вкуса.

Pride Parade это весело, просто весело – шум, гам, многоцветье... Больше похоже на цирковое представление, чем на гражданское выступление. Плакаты и даже организация шествия по профессиям ничего не меняет. Мне кажется, что это шведская пародия на бразильский фестиваль. Торжественный, шумный, яркий проход, но до Рио Стокгольму в красочности далеко, возможно, лишь пока. Думаю, что из-за тематики так будет всегда. Создавать разноцветные платформы с танцующими самбу или румбу – это одно, а расцветить гей-шествие несколько другое.

Шведы, вопреки расхожему мнению о сексуальной распушенности, народ скромный и стеснительный, возможности показать себя во всей красе имеют не часто, а тут такая свобода! Вырядиться как угодно, не скрывая целлюлита, с которым не удастся справиться, отсутствия фигуры или вкуса, пройти в толпе таких же раскрепощенных на час, повеселиться и заявить о себе – это ли ни повод влиться в гей-парад, даже если ты натурал или натуралка?

Кстати, почему «гей-парад», могут обидеться лесби, транссексуалы, трансвеститы, садисты, мазохисты и прочая, и прочая... Скоро в противовес нужно будет организовывать парады натуралов... Зимой, в самую неподходящую погоду, чтобы несчастные, замерзшие семейные пары тащили за руки ревуших детей в куртках с надписями на спине: «ДОЧЬ» или «СЫН». Сейчас это кажется бредом, но, думаю, дело не такого уж далекого будущего, если есть детские сады и школы, где отменены понятия «мальчик» или «девочка», то почему бы не пойти дальше?

В чем отличие от бразильского карнавала? Не в одном отсутствии немисливо дорогих и расцвеченных платформ и костюмов (в Стокгольме все красочно, но куда менее дорого), но прежде всего в подходе. В Рио демонстрируют не только красивые костюмы и дорогостоящие выдумки декораторов, но и красивые тела. В Стокгольме – такие, какие имеют. Что правильно, а что нет – не знаю. Наверное, каждый прав по-своему.

Шведский парад словно призывает не стесняться самих себя и воспринимать такими как есть, даже если это «есть» с пивным животом, вульгарно раскрашенным лицом или целлюлитом на оголенной попе, размеры которой заметно превосходят мои собственные.

Вот я не смогла бы перетянуть толстый голый зад кожаными ремнями и пройти в таком виде даже в толпе себе подобных. Наверное, я не современна, неправильна, но, в конце концов, если уважать мнение всех, то почему бы не уважать и мое собственное? Я не ханжа, не выпячиваю свою гомофобию, никому не мешаю и никого не осуждаю вслух, кроме как за неумение держать тело в форме, не осуждайте и меня.

Конечно, гомофобия не может украшать журналистку, потому я честно борюсь сама с собой, каленым железом выжигая не столько неприятие извращений, ибо дело не в нем, а неприятие собственного тела. Йен прав, начинать надо с себя. Мне неприятна перетянутая ремнями толстая попа мазохистки не только из-за целлюлита. Я просто представляю, что сама вот так не смогла бы, как не позволила бы чужим рукам расправляться с моим телом, обнажать его, связывать-перевязывать, подвешивать, делать больно.

Неужели можно получать удовольствие от боли? Нет, я не хотела бы... И вдруг пришло понимание, что хотела! От неожиданности я даже встала как вкопанная. Честно заглянув в себя, с дрожью вынуждена признаться, что где-то в глубине души... глубоко-глубоко... ну, совсем глубоко есть это чертово желание надеть маску, оголиться, как те, кто на параде, или вообще заняться чем-то совершенно недопустимым с точки зрения традиционной морали.

А если до конца честно, то я испытывала такое желание не раз, но всегда загоняла его глубже, считая недостойным. Позиции помимо миссионерской – пожалуйста, а вот извращения вроде садо-мазо... нет, увольте! Меня не соблазнить, у меня голова главенствует над телом, а не наоборот.

А теперь предстояло общаться с человеком, которому эти самые извращения, точно лакомства ребенку. Мастер связывания... Насколько я помню, связывают голышом или почти голышом. Это значит, что руки сероглазого красавца касались чужих тел?

Я разозлилась сама на себя, ну что за идиотка?! Ведь почти ревновала Ларса Юханссона к тем, кого он связывал. Мало того, внутри шевельнулось гадкое желание испробовать его умение на себе. Но это уж едва ли, и не потому, что я откажусь, а потому что ему сто лет не нужна такая модель, как я.

Вот еще! Может, Бритт не зря оставила мне свое пособие по стервологии? Ее интуиция, как известно, не подводит. Придется сегодня и впрямь влезть в это самое пособие. А, может, следовало не лезть в группу Анны и Оле, чтобы не было необходимости копаться в своих мазохистских глубоко законспирированных желаниях и не читать советы дипломированной стервы? Ну почему я не умею вовремя сказать нет?!

К тому времени, когда добралась до Арки Боффиля, я была сердита на весь мир, на всех нетрадиционных, на погоду, но больше всего досадовала на саму себя.

Анна отсутствовала, встретил меня Оле, посадил и начал беседу, как с душевнобольной.

– Ларс Юханссон один из самых странных и интересных людей, которых я вообще встречал в жизни. О внешности говорить не буду, ты сама видела – хорош, как бог. Богат, интересы разносторонние, проще перечислить, чем он не занимался или не увлекался, причем серьезно. Обмануть его будет очень трудно, потому выход один – забыть о БДСМ, о задании и даже об этом офисе, и действительно поверить, что тебя интересуют викинги.

– Но они меня и правда интересуют.

– Я помню. Ты прочитала подобранные материалы?

– Это для начинающих, у дедушки было куда больше.

– Ты знаешь больше?

– В каких-то областях да.

– Значит, попытайся заставить его рассказать еще больше. Если поймет, что ты не новичок, контакт будет налажен.

– Оле, я все равно не понимаю свою задачу. Ну, налажу я с ним контакт, расскажет он мне о викингх все, что знает сам, что дальше-то? Зачем это?

– Нам нужно знать, когда и где он бывает, как проводит день, чем занимается на острове или в Стокгольме. Нужно, чтобы Юханссон был под нашим присмотром двадцать четыре часа в сутки.

Я рассмеялась.

– Что?

– Если Ларс Юханссон будет часами рассказывать мне о викингх, то он только этим и будет заниматься.

– Когда наладятся отношения, разговор пойдет не только о викингх. Тогда и попробуешь разговорить его на тему БДСМ. Но не вздумай пытаться сделать это сразу, он очень умен, все поймет и в лучшем случае выгонит.

– А в худшем?

Оле только пожал плечами.

Нечего сказать, обнадеживающая реакция! Но я прекрасно понимала, что даже если мне грозит гибель, с Ларсом Юханссоном я постараюсь не только встретиться, но и познакомиться как можно ближе. Честное слово, это «ближе» не подразумевало под собой ничего-

шеньки этакого. Просто интересно посмотреть на по-настоящему богатых и безумно красивых людей в повседневной жизни.

Глупая какая-то слежка получалась. Меня знакомят с человеком, которому я вовек не нужна, а я обязана произвести на него впечатление такой умненькой, чтобы ему вдруг захотелось прочитать цикл лекций о викингах. Но при этом я обязана узнать, чем таким занимается Ларс Юханссон все остальное время. А если лекции состоятся где-нибудь в офисе, подобном тому, в котором мы сидим?

Оле в ответ почти сокрушенно качает головой:

– Есть такая опасность, Линн. У него есть офис, хотя Юханссон бывает там не часто. Но ты должна попасть к нему в дом на острове. Обязательно туда, запомни это, должна точно узнать, где он был в день убийства, можно ли верить его алиби, что представляет собой его слуга Свен, на показаниях которого основано алиби Ларса Юханссона. И очень важно, но это не сразу, а когда возникнет доверие, занимается ли он сейчас БДСМ, какие техники применяет.

Я хотела высказать сомнения по поводу доверия, но спросила другое:

– А это зачем? Какая нам разница, занимается или нет? Это же не противозаконно.

– Линн, вместо того чтобы выполнять задание, ты задаешь тысячу ненужных вопросов.

– Так замените меня кем-нибудь!

– Поздно что-то менять, завтра ты встречаешься с Ларсом.

Я чуть не добавила: «первый и последний раз». И правда, чего я суечусь? Выход проще некуда – не понравится Юханссону, и все! Пусть он решит, что я дура и зануда, дилетантка, на которую не стоит тратить время, синий чулок и курица в одном лице.

Твердо решив так и поступить, я вдруг успокоилась. Никто меня не расстреляет, не повесят и даже не обругают. Что делать, если Ларс Юханссон столь сложная птица? Если полиция не считает его виновным, то пусть живет.

Оле посоветовал еще почитать о викингах, но я почему-то поступила иначе.

По пути домой завернула в «Pizza Hut», купила себе большую «Маргариту», добавила целое ведерко мороженого и отправилась уничтожать эти съестные припасы в одиночестве, словно в отместку всем за все.

Мы с Бритт редко позволяли себе такое безобразие, но бывало, именно таким способом расслаблялись. Правда, на следующий день не ели вообще ничего, только пили водичку. Так и поступим, сегодня я заедаю одиночество и необходимость дурацкой слежки за красивым мужчиной, которому до меня никакого дела, а завтра в качестве компенсации посижу на минералке. К тому же у меня есть оставленное Бритт пособие по стервологии, это куда занимательней, чем в сотый раз читать о викингах.

Пиццу я, конечно, не съела, слишком она большая даже в качестве мести самой себе, честно говоря, в меня поместился только кусочек, с мороженым тоже не справилась. Мало того, включив компьютер, полезла не в тему викингов, а принялась изучать БДСМ. В этом тоже выразилось мое несогласие, только с чем, не знаю. Настроение было просто мерзким. Покопавшись в себе, поняла причину – мое несоответствие Ларсу Юханссону и необходимость привлекать внимание человека, который этого внимания заведомо не удостоит.

Один из способов уничтожить мрачное настроение – довести себя до полного отчаянья. Я не из тех, кто подвержен суицидным порывам, а потому вполне могла применить технику лечения подобного подобным. Предстояло испортить себе жизнь на сегодня окончательно, убедившись, что красавчик Ларс Юханссон занимается откровенной гадостью. Именно так я представляла себе БДСМ.

А потому с мрачной решимостью дойти до тошноты и закончить сеанс терзаний склоненной над унитазом (тоже выход, можно доест мороженое и завтра не сидеть на минералке)

я полезла любоваться БДСМ-изысками. Зрелище не для слабонервных, во всяком случае, не для тех, в чьей видеотеке маловато порно.

Поисковая система послушно выдала миллионы публикаций на эту тему, в основном, конечно, порнокартинки и видео, но нашлись и вполне толковые материалы.

BDSM – БДСМ – сложная аббревиатура, состоящая из трех частей:

BD (Bondage & Discipline – неволя и дисциплина, воспитание) – связывание, ограничение подвижности, дисциплинарные и ролевые игры, игровое подчинение, унижение, наказания;

DS (Domination & Submission – доминирование и подчинение) – неигровое господство и подчинение; отношения, в которых в результате предварительной договоренности присутствует неравноправие партнеров;

SM (Sadism & Masochism – садизм и мазохизм) – садомазохизм; практики, связанные с получением удовольствия от причинения или переживания физической боли.

Это я все знаю, пока никаких вопросов. Собираются компаниями или парами ненормальные, нет, скажем мягче, не вполне нормальные любители боли своей и чужой и играют в игры.

Но если причинение боли кому-то я еще могла понять (но не оправдать!), то желание испытать боль самому... Неужели таких много? Как-то не замечала. Наверное, потому что садисты откровенней, их легче выхватить даже из толпы.

А этот самый Ларс Юханссон садист? Если связывает и подвешивает незащищенных девушек, то безусловно. Даже если они не погибают от связывания и подвешивания.

Эмблема БДСМ-сообщества – ТРИКСЕЛЬ.

Трехэлементный инь и ян. Трехэлементный дизайн может быть интерпретирован как взаимосвязь и взаимозависимость основных элементов субкультуры – BD, DS и SM; как три основных принципа БДСМ – SSC (англ. Safe, Sane & Consensual – Безопасность, Разумность и Добровольность); как три группы участников БДСМ-сообщества – топы, боттомы и свитчи.

Ищем, кто такие топы, боттомы и свитчи.

Ага, вот оно. Топы – те, кто доминируют, то есть кто порет, связывает, подвешивает, капает на кожу горячим воском, зажимает тело зажимами и прочее, прочее, прочее...

Боттомы – те, кого порют, связывают, подвешивают, зажимают...

А свитчи – те, кто сегодня боттомы, завтра топы. Наверняка просто если подвернется более слабый. Самый мерзкий вариант. Вчера меня выпороли, сегодня я выпорю кого-то, кто не сможет дать сдачи.

Ларс Юханссон явно топ, если он мастер связывания, то боттомом быть не должен. Я ловлю себя на том, что... рада этому? Ну, да, представить красавца Юханссона в роли боттома невозможно, это было бы оскорблением моих эстетических чувств. Удивительно, но в отношении мужчины легче простить причинение боли кому-то, чем способность терпеть эту боль и унижение самому. А женщине? Наверное, наоборот. Крупные тетки в коже и с хлыстами в руках у меня лично вызывают настоящее отторжение, такое же, как и стоящие перед ними на четвереньках мужики с ошейниками и на цепи.

Я не современна? Наверное. Традиционно мужчина лидер, он сильнее, и он хозяин. Но о таком мировоззрении лучше молчать.

Я явная гомофобка, сознаю, что это неправильно, но изменить себя не могу. Приходится скрывать.

Господи, угораздило же меня влипнуть в историю с садистом! Ларс Юханссон определенно садист, и мне придется сделать все, чтобы он не понял моей гомофобии. И все-таки хорошо, что он топ, а не боттом...

Ладно, теперь практика БДСМ.

Практика

Флагелляция – порка партнера (с его предварительного согласия) с помощью плети, хлыста, кнута и прочих гибких приспособлений.

Spanking – шлепанье или порка, воздействие на ягодицы с помощью ладони, ремня и прочих гибких и жестких приспособлений (таких, как паддл).

Паддл. Это еще что?

На картинке нечто вроде вытянутой теннисной ракетки. Понятно, это шлепалка. Да, такой получить по попе несладко, особенно если рука мужская.

Поехали дальше...

Бондаж – ограничение подвижности, например, связывание, приковывание, заключение в клетку.

Подвешивание – форма фиксации, при которой человека подвешивают в связанном состоянии.

Вот оно, то самое, что мне нужно. Бондаж бэдээсэмский в отличие от бандажа медицинского, поддерживающего, серьезно ограничивает возможность движения... Да не просто ограничивает, бондаж – это наручники, веревки, связывание, привязывание...

Ужас! Ловлю себя на том, что... хочется попробовать! Глупости, как нормальный человек может желать испытать обездвижение, да еще и в голом или полуголом виде?! Ничего я не хочу!

Но смотрю на фотографии связанных (да еще и с кляпами во рту!) девушек и понимаю, что хочу. Вот так вот – руки за спиной, ноги связаны... полная беспомощность и ожидание... чего? Вот в том все дело, если ждать просто насилия, как от преступника – это одно, а если по взаимной договоренности? Черт, внутри все сладко замирает и внизу живота заметно горячее.

Самое большее, на что хватало моей садистской фантазии до сих пор в представлениях о том, как мучают женщин – это привязывание рук и ног к спинке кровати. А тут столько всего... Это как же нужно доверять мужчине, который связывает, чтобы на такое решиться?!

Нет, все равно глупость и извращение!

Поехали дальше...

Age Play (Игра с подменой возраста) – ролевая игра, в которой один или оба партнера играют роль «старшего» или «младшего» в дисциплинарной сцене.

Baby Play – ролевая игра, в которой один из партнеров играет роль ребенка.

Сенсорная депривация – ограничение либо полное лишение подчиняющегося возможности пользоваться осязанием, слухом, зрением, вкусом или обонянием в рамках сессии, производится с помощью масок, кляпов, берушей и мумификации.

Мумификация – тип бондажа, полное запеленывание тела человека, подобно мумиям, с целью полного обездвиживания, иногда в комбинации с маской, притупляющей слух и закрывающей обзор, берушами, кляпом и т. д. Подразделом мумификации можно считать бондаж с помощью вакуумной кровати.

Игры с электричеством (Electric Play) – применение безопасного для организма воздействия электрическим током.

Дальше читать не смогла, потому что шли описания совсем неприемлемых для меня вещей – сидение на лице, лизание пяток, испускание мочи и т. п.

Привлекла внимание только японская техника связывания, которую где-то называли «шибари», где-то «сибари». Помнится, о Ларсе Юханссоне говорили, что он Мастер связывания на основе шибари, в которое внес много нового. Связать и подвесить так, чтобы нижняя оказалась беспомощной. В чем хитрость? В том, чтобы не изувечить, не погубить, а, напротив, доставить удовольствие.

На шибари задержалась снова. Если честно, это красиво, особенно на японских картинках. Надо же так изогнуть, переплести и подвесить! На фотографиях красиво далеко не все, дилетантов во всех областях человеческой жизни пруд пруди. Но Юханссон Мастер... Это значит, что он связывает и подвешивает эстетично? Увидеть бы его работы.

Существует еще самосвязывание, которому погибшую девушку, возможно, научил Юханссон, а может и не он. А может, она вообще связалась и подвесилась не сама. Интересно, как можно самой подвеситься? Загадка... Только девушка погибла, а у БДСМ-сообщества есть некие подозрения... И теперь мне предстояло познакомиться с этим садистом и разузнать, как он ее либо учил, либо подвешивал, а то и испытать кое-что на собственной шкуре, вернее, пятой точке (если вспомнить о порке). Такую возможность Анна и Оле не исключали. Господи, вот дура-то! Вместо того чтобы отбиваться от такой перспективы руками и ногами, я, наоборот, суюсь в самое пекло.

Открывала сайт за сайтом, смотрела ролик за роликом, пыталась понять, откуда в людях это стремление причинить или испытать боль. И все больше осознавала, что в этом что-то есть, что не просто так позволяют себя пороть, мучить, насиловать все те, кто в Теме. Пыталась прикинуть, на что могла бы согласиться лично я.

Для себя уяснила главное – в БДСМ обязательно обоюдное согласие и доверие, иначе это просто криминальные пытки (пытки по согласию не есть пытки, хотя пару лет назад человека все же осудили, при том, что сессия состоялась по инициативе партнерши, видно, перестарался). Ну вот, согласие же! Что обманывать себя – даже упор на согласие обнадеживал мало. Боль и беспомощность для меня мало сочетаются с добровольностью.

Основное – подчинение, лишение нижней (меня не интересовало женское доминирование, пусть себе лижут пятки своим господам, если хотят, мне предстояло распутывать мужское доминирование) возможности говорить, двигаться, создание дискомфорта и причинение физической боли с ее согласия.

Глядя на счастливые лица подвешенных и распятых, извивающихся под плетью или флоггером, я не могла поверить, что они действительно получают удовольствие. Но, просмотрев несколько роликов, в которых нижняя девушка сначала по-настоящему орет от боли, а от мучений у нее искажено лицо, но после окончания счастлива и довольна, начала понимать. Сначала показалось, что радость просто от избавления, из-за чувства освобождения, потом пришло осознание, что она ждет эту боль, стремится к ней, получает удовольствие от самой боли.

Неужели нижние сплошь мазохистки? Радоваться от того, что вся попа красная или вообще в шрамах после порки? Неужели на это идут добровольно?

Поймала себя на мысли, что бондаж, подвешивание или распятие еще ничего, пожалуй, в них есть своя прелесть. Но, увидев веревки, перетягивающие грудь до посинения, ужаснулась, нет, и это не для меня.

И все-таки главное, в чем я пыталась разобраться – не психология нижних, а что чувствуют доминанты. С нижними понятно – они научились получать удовольствие от дискомфорта и боли, странное, злое удовольствие, с надрывом, где боль физическая и боль душевная сплетаются и оттеняют друг дружку. А вот верхние, доминанты? Неужели им доставляет радость приносить боль другим, видеть, как нежная кожа вздувается красными полосами, превращается в месиво? Каким надо быть жестоким, чтобы получать от этого положительные эмоции!

И снова мне хотелось и не хотелось встречаться с Ларсом Юханссоном. Если он столь же жесток, то лучше держаться подальше. Эстетики в высунутом синем языке Кайсы Стринберг было маловато...

Легче от многочасового сидения перед компьютером не стало, правда, и совсем тошно тоже. Я так и не поняла своего отношения к БДСМ, в нем в единый клубок смешалось нечто, доставляющее физические и моральные муки и счастье. Нутром чувствовала, что их не разделить, как не разделить окончательно добро и зло. Человек легко переходит от страдания к удовольствию, бывает, когда грань между ними просто иллюзорна. Может, БДСМ и есть искусство балансировать на этой грани?

Тогда понятны искаженные лица и следом – улыбки у нижних. Интересно, что в роликах крайне редко показывают верхних. Разве только мастеров связывания.

Наверное, если понять, что испытывают верхние, и понять, мог ли Ларс Юханссон получать от мучений нижней удовольствие, поймешь и то, мог ли он убить, даже не преднамеренно.

Невольно вырвался вздох: во что я вмешиваюсь! Не лучше ли бежать от всех этих практик как можно дальше и забыть об их существовании до следующего Pride Parada, когда снова увижу на улицах Стокгольма затянутых в кожаные ремни голых девушек, видимо, нижних.

Не лезть бы мне туда. Но прекрасно понимала, что полезу, суну свой любопытный нос и в это. Остаться бы только живой...

Честно говоря, к утру уверенности заметно поубавилось. Я плохо переношу боль, а уж представить, что меня порют... Может, не надо?

Принесли отчет патологоанатомов по вскрытию Кайсы Стринберг. Ну вот, теперь можно разрешить родственникам забрать труп и похоронить. Вангер был готов положить бумагу с результатом в папку и набрать телефон фрекен Стринберг с сообщением, что можно приехать за телом сестры, как вдруг его взгляд зацепился за пару слов. Даг даже сам не мог объяснить, что именно показалось странным, но документ вернул и вчитался более внимательно. Он все равно увидел бы то, что увидел, через пару дней, когда приехали родственники или когда закрывал бы дело.

В отчете о результатах вскрытия говорилось, что Кайса если и не задохнулась еще до веревок, то наверняка была без сознания. Ее сначала пытались задушить, а потом повесили! А это уже не самоубийство, потому что сложно вязать на себе веревки, будучи без сознания.

Крепко выругавшись себе под нос, Вангер взял папку и отправился к Бергману.

– Неприятности? – Микаэль явно не ожидал ничего хорошего. Добровольно к нему явятся только с проблемами...

– Угу. Стринберг не самоубийца, ее сначала душили, а потом повесили.

– Задушили?

– Даже если не задушили совсем, то сначала придушили, видимо, чтобы не сопротивлялась.

Бергман кивком показал, чтобы Вангер садился, взял папку, некоторое время зачем-то изучал содержание отчета патологоанатомов, хотя Даг прекрасно знал, что Бергману достаточно одного взгляда, чтобы ухватить суть.

– Ну, что мы имеем?

И этот вопрос Микаэль мог не задавать, Вангер понимал, что старший инспектор уже все проанализировал, однако все же озвучил соображения:

– Один труп, один подозреваемый, никаких свидетелей. При этом у подозреваемого алиби, а у трупа мазохистские замашки.

– Вот именно. Даг, начинай все сначала. Может, кто-нибудь из соседей вспомнит хоть что-то? Родственники ничего нового не добавили?

– Кроме того, что наговорила в прошлый раз сестра жертвы? Нет, мне и того достаточно.

– Кого тебе называли?

– Ларса Юханссона, но у него алиби.

– Надежное?

– Нет, но мотивов никаких...

– Пошерсти еще у БДСМицков. Тебе дать в помощь кого-то?

– Пожалуй.

Вернувшись к себе, Вангер достал материалы дела и разложил на столе листы с записями.

Подозреваемый Ларс Юханссон, да и то только потому, что погибшая была связана при помощи каких-то там узлов, разработанных им. Конечно, они с погибшей некогда были знакомы и даже дружны, но уже несколько лет не встречались. Сам Юханссон богат, красив, умен и у него алиби – целый день был у себя в замке на острове. Стринберг не видел очень давно, известием о ее гибели явно потрясен.

Нет, заниматься Ларсом Юханссоном пока не стоит. Логичней снова вернуться в дом. Начался новый круг расследования...

Пока сидела за компьютером, позвонил Йозеф Лессен, именно он должен завтра представить меня богоподобному Ларсу Юханссону. Йозефа я немного знала, он соратник дедушки, правда, виделись мы еще в те времена, когда я была похожа на Пеппи, а не на Карлсона, как сейчас. Хотя прошло немало лет, надеялась, что при встрече узнаю.

– Лизбет, ты умница! Продолжить дело своего деда для девушки почти героизм. Сейчас, когда молодежь увлекается разной нелепостью, заниматься историей своего народа, прошлым, извлекая из него уроки – это достойное занятие внучки Арвида Линдберга!

Я вспомнила Йозефа Лессена. Дед смеялся, что ему легче слово дать, чем потом отобрать. И разговаривает Йозеф только с восклицательными или вопросительными интонациями. Мне удалось пискнуть между его двумя фразами:

– Я Линн, Йозеф.

– А? Да! Я и говорю, молодец, Лиз!

Стонать бесполезно, но я все же застонала.

– Ты больна? Нет?

– Во сколько и где встреча?

– С Ларсом Юханссоном? Завтра в четыре тебя устроит?

– Почему нет? Где?

– В «КВ» на Смаландсгатан. Знаешь?

Конечно, я знала этот старинный бар, где собиралась «золотая творческая молодежь», как однажды выразилась Бритт. Мы бывали с ней в «КВ».

– Да, знаю, приду. А где мне там вас искать?

– Когда будешь подходить, позвони, я скажу, где мы сидим. И все-таки, Лиз, ты молодец!..
Ой, мама, начинался новый поток красноречия, который мне не остановить. И снова он звал меня Лиз, словно не слыша поправки.

– Извините, звонят в дверь, кто-то пришел.

– А... молодой человек? Завидую ему, ты должна вырасти в красавицу, твой дед всегда говорил, что его Лизбет обязательно будет красоткой...

– Извини!

Я отключилась, наплевав на вежливость, потому что в очередной раз слышать, как тебя называют чужим именем, не слишком приятно. К тому же дедушка никогда не говорил ничего подобного, он был не из тех, кто хвалится внешними данными своих женщин.

Настроение испортилось окончательно. Встретиться в баре «КВ» непонятно с кем с помощью непонятно кого непонятно зачем – это уже перебор. Как бы отказаться? Интересно, а какое отношение имеют к Йозефу Лессену Анна или Оле? Они тоже в детстве занимались викинг-гами?

Больше в Интернет решила не лазить, чтобы коленки не дрожали. Зато вспомнила о книге, оставленной Бритт. Надо хотя бы открыть, не то подруга обидится по-настоящему.

Шерри Аргов. «Хочу быть стервой! Пособие для настоящих женщин». Сто Принципов Привлекательности... Ой, мама!

Я не хочу быть стервой, но читать все же начала и быстро поняла, что это книга не для перелистывания, нет, она не столь ценна, и многое я понимала сама, но собранное вместе навредило на определенные мысли. Типично американский подход, который не всегда применим к моей жизни, однако, читая один принцип за другим, я словно в зеркале видела отражение своих собственных отношений с тем же Йеном. Взгляд со стороны полезен.

В ней не было советов, как умело подвести глаза, чтобы они казались очами лани, а не пороссячими пуговками, как увеличить грудь без операции или чего-то подобного. Напротив, автор советовала, как с первой минуты держать себя с мужчиной так, чтобы он не мог не только оторвать глаз от твоей увеличенной груди, но и мыслей от твоего образа.

Мне понравился второй принцип: «Женщины, ради которых мужчины лезут на стенку, вовсе не обязательно какие-то особенные. Очень часто им просто нет до этих мужчин никакого дела». Я долго смеялась. Не в бровь, а в глаз! Если верить этому принципу, за мной должны бегать толпы потерявших головы самцов, потому как мне нет никакого дела до большинства знакомых мужчин. Однако никаких верениц влюбленных из-за моего равнодушия пока не наблюдалось.

Хотя все равно в ее сентенциях что-то было...

Принцип № 3: «Мужчина принимает женщину как ментальный вызов только в том случае, если не уверен, что она принадлежит ему на все сто процентов».

Или вот. Принцип № 8: «Самое главное различие между хорошей женщиной и стервой – это страх. Стерва всячески демонстрирует, что она не боится остаться без мужчины». Опля! А я, оказывается, стерва, и даже не догадывалась об этом. Я никому не принадлежу на сто процентов и никого не боюсь потерять, имеются в виду мужчины.

Конечно, эта книга никак не могла мне помочь в завтрашней встрече, однако появилось желание иметь ее под рукой. Мало того, я отсканировала и распечатала сто Принципов Привлекательности, которые отдельно приведены в конце книги. На пяти страницах убористого текста перечислялось, как сделать так, чтобы с первой встречи мужчина научился держать поводок в зубах, стоя перед вами на задних лапках.

Это не для моего знакомства с Ларсом Юханссоном, я вообще сомневалась, что оно к чему-то приведет, если даже состоится, но на будущее вполне может пригодиться. Мне не нужен мужчина с тапочками в зубах, однако почерпнуть из рассуждений Шерри нашлось что.

Чтение дамской макулатуры лишь помогло сбросить напряжение после ненужного знакомства с особенностями БДСМ-сообщества. Полегчало, и на волне этого облегчения я заснула сном праведницы. Снился мне Ларс Юханссон с плетью в руке и тапочками в зубах.

Однако, проснувшись, я поняла, что вовсе не желаю проверять принципы Шерри немедленно, да и вообще не хочу не во что вмешиваться.

Утром Оле, словно почувствовав мою нерешительность, позвонил сам и обнадежил, что никто меня прямо из бара на дыбу не потащит и пороть посреди Смаландсгатан не станет. Спасибо, конечно, но ведь это только начало.

– Может, вообще ничего не надо?

– Линн, что за детский сад?! Отказываться следовало с самого начала. Сейчас забудь, пожалуйста, о БДСМ и думай только о том, чтобы заинтересовать Юханссона своей диссертацией о викингах. Ты продумала вопросы, которые станешь задавать?

– Да.

Это вранье, я ни о чем таком не думала, потому что это не интервью. Хотя, может, и стоило.

– Кстати, Марта вчера уже встречалась с его приятелем. Только не вздумай проболтаться об этом Юханссону.

– Вот и нужно было отправить к Юханссону Марту, а меня к его приятелю.

Оле почему-то расхохотался:

– Сначала так и задумывалось, но, боюсь, тебе повезло, что мы передумали.

– Это почему?

– Ты трусишь перед Ларсом Юханссоном, куда тебе справиться с другими!

Из этого следовало, что Ларс Юханссон не самое кровожадное чудовище из тех, с кем нам придется иметь дело в ближайшем будущем. Уже легче...

Но идти все равно не хотелось! Обнаружилась неприятная истина – я трусиха. Если бы не звонок Оле, явно проверявшего мою готовность, придумала бы причину и не пошла. Заболела, поломался замок в двери, заклинило дверь подъезда... прямо перед подъездом упал метеорит, образовав огромную воронку, которую не перепрыгнуть... что угодно.

Чуяло мое сердце, что проблем после этой встречи не оберешься. Какого черта я вообще во все это ввязалась?

В чем идти к этому чертову красавчику?

Вопрос в том, какое впечатление я хочу на него произвести. Оле сказал, что им не нужен роман с Ларсом Юханссоном. Ну, положим, это мне не грозит, но и играть роль синего чулка почему-то тоже не хотелось. Наверное, это влияние книги по стервологии.

А почему, собственно, я вообще что-то должна играть, разве мало того, что мне придется изощренно врать о несуществующей диссертации? Если я буду играть сразу несколько ролей, то непременно запутаюсь. Выход один – одеться самой собой, загримироваться самой собой и вести себя так, как я обычно веду.

Я встала перед зеркалом. Бесцветная серая курица, конечно, не в джинсах, а облегающих брючках-стрейч, поверх которых длинная рубашка с намеком на парадность в виде белого воротничка над клеточкой. Вот и все, достаточно, я не ношу вечерних платьев и редко платья вообще, а длинная рубашка удачно прикрывает мое больное место. Да-да, я все о том же – проклятых 96 см.

Волосы забраны в конский хвост, на лице ни намек на макияж. Нет, пожалуй, прическу стоит изменить. Я больше люблю косу, заплетенную либо «колоском», либо низко, по самой шее. Времени достаточно, и я заплела колосок. Вот так, строгая девушка, у которой на уме никаких глупостей. А уж БДСМ и подавно.

Да, антураж самое то, с одной стороны, никакого насилия над собой, с другой – никакой вульгарности. Я просто забежала на минутку в бар на деловую встречу.

Рубашка мужская, потому грудь не облегает, но каким-то странным образом подчеркивает – это особенность просторных вещей. Мелькает мысль, что Ларс Юханссон едва ли будет глазеть на меня, но я тут же гордо вздергиваю подбородок: он в баре не один! Ага, еще болтливый Йозеф Лессен и пара старичков его возраста.

Ладно, пора ехать, не на романтическое рандеву собралась, на деловую встречу.

Сам бар нашла легко, мне всегда нравился венецианский налет у фасада здания, балкон с ажурной решеткой почти над входом и стрельчатые окна.

Без пяти четыре набрала номер Йозефа.

– Лизбет! – восторженно заорал Лессен. – Ищешь бар? Умница девочка.

– Уже нашла, я у входа. Где вас искать там, в баре или в банкетном зале?

– Подойди к большому окну слева от входа, я помашу тебе рукой.

Он действительно помахал. Не могло быть никаких сомнений – счастливый Йозеф Лессен с пегими от седины растрепанными волосами сидел за столиком у большого окна один! Почему-то я почувствовала облегчение. Ларса Юханссона нет? Может, и вовсе не придет? Может, это перед его дверью упал метеорит и образовал воронку? Или богоподобный Юханссон придумал другую причину не встречаться с какой-то там Линн Линдберг? Ну и ладно, по крайней мере, моей вины в срыве встречи не будет, а заставить меня решиться на нее второй раз не смогут все Анны и Оле вместе взятые.

В «КВ» вошла почти весело и с удовольствием. Даже если придется часа два выслушивать восторженные сентенции чудака Лессена и коверканье своего имени, я согласна потерпеть.

Сделала пару шагов и... наткнулась на Юханссона! Он с интересом разглядывал шаржи, висевшие на стене. Там действительно забавные рисунки, в другое время я бы тоже остановилась, но сейчас пулей пронеслась мимо, почти задев его плечом.

Ларс, как и все красавцы до него, просто скользнул по мне взглядом, почти не заметив. Описать свои ощущения единым словом я не смогла бы, это взрывоопасная смесь из облегчения (я его не интересую!), досады (почему это я его не интересую?!), паники (он еще красивей, чем на фото!) и решительности (я не боюсь разных красавцев, тем более зная, что у некоторых рыльца в пушку!). Но все затопило ощущение обреченности. Неважно, интересуется он мною или нет, неважно, продолжится ли наше знакомство дальше, я уже больна этим человеком.

Поворачивая в помещение бара, боковым зрением заметила, что Ларс смотрит мне вслед. Нет, чепуха, этого не могло быть, просто показалось. Хорошо, что не увидела раньше, наверняка споткнулась бы.

Йозеф призывно махал мне рукой от столика.

– Лизбет, ты умница!

– Я Линн, пожалуйста.

– Не может быть! – всплеснул руками Лессен и счастливо рассмеялся. – А я тебя все время зову Лизбет. Что же ты молчала?

– Я все время вас исправляла.

– Что ты говоришь?! – Счастья в голосе Йозефа заметно прибавилось. – Прости старого дурака. Ларс где-то здесь, он сейчас придет. Надеюсь, не сбежал от моей болтовни. Мы встретились чуть раньше, и я заговаривал ему зубы минут десять.

Я подумала, что стоило опоздать, тогда Ларс непременно сбежал бы, и все расстроилось само собой. Чуть не ляпнула, что он разглядывает шаржи на стене, вовремя сдержалась, сообразив, что не должна бы знать, как это божество выглядит.

– Когда Оле сказал, что ты интересуешься викингami, я сразу сообразил, с кем тебя познакомиться.

Так, значит, подсуетился все же Оле. Интересно, откуда он знает Йозефа и как объяснил наше знакомство? Вдруг Йозеф что-то спросит про Оле, что мне отвечать? Это недоработка, я должна бы знать такие вещи.

– Твой дед...

– Йозеф, если можно, не упоминайте моего дедушку. Я не хочу использовать его имя. Или вы уже сказали Юханссону, чья я внучка?

Мне почему-то стыдно спекулировать именем деда, едва ли он одобрил бы вот эту вылазку на встречу с бэдээсэмщиком и использование темы викингов в столь далеких от нее вопросах. Мелькнула мысль, что не таких уж далеких, если вспомнить о берсерках и нанесении самим себе телесных повреждений, разных татуировок и прочем. Может, у Ларса Юханссона выявится именно эта связь? Тогда мне лучше упираться на этот аспект жизни викингов. Несколько странно для девушки, но чего ни бывает в нашей жизни.

– Нет, я не сказал. Ты думаешь, не стоит?

– Конечно, нет. Если он захочет работать со мной, то обойдется без дедушки, а если нет, то и начинать не стоит.

– Знаешь, Ларс несколько замкнутый человек, с ним вообще трудно подружиться, а девушке особенно.

Я мысленно вздохнула: «И слава богу!». Развела руками:

– На нет и суда не будет.

Дольше разговаривать не получилось, потому что приближалось само божество. Только бы не выдать свой повышенный интерес к Ларсу, и дело не в расследовании, а в том, что я уже таяла, как снег на весеннем солнце, буквально расплываясь по стулу лужей.

– Добрый день. Я Ларс Юханссон.

Пальцы предсказуемо длинные и сильные, пожатие твердое, но не холодное. Машинально я отметила, что он задержал мою руку в своей чуть дольше, чем полагалось по правилам хорошего тона. Может, показалось? Его пальцы не просто слегка сжали, но, отпуская, чуть задержались в моей ладони и следом, словно перебрали мои пальцы. Чувствуя, как меня охватывает паника, я едва не вырвала руку. Вот, идиотка!

Говорят, чем теплее пальцы человека, тем холоднее у него сердце. Если верить этой примете, в груди у Ларса Юханссона ледышка в состоянии абсолютного нуля. Все верно, если вспомнить подвешенную девушку...

– Линн.

Намеренно не стала добавлять фамилию, ведь она дедушкина.

Фотографы ничтожества, потому что ни один снимок не передал и сотой доли красоты Ларса Юханссона. Нет, все отображено верно – высокий рост (я при своем не таком уж малом ему едва до подбородка), широкие плечи атлета, лицо... волосы... Но на снимках не было главного – обаяния, особой ауры Ларса Юханссона, которая захватывала на расстоянии полусотни метров, брала в плен и не отпускала. Даже если бы он был в маске гориллы или вообще под колпаком, в плаще Бэтмена или в скафандре, все головы вокруг непременно повернулись в его сторону, и вовсе не из-за колпака или скафандра.

Это действительно божество в его земном воплощении. А красота какая! Какая-то опасная и манящая одновременно, так манит край пропасти – страшно и тянет шагнуть вперед.

Но окончательно я пропала, глянув в глаза Ларса.

Если фотографы ничтожества, то писатели, тысячами томов пересказывающие любовные истории самого разного толка и качества, и того хуже. «Синие омуты, в которых можно утонуть...». Олухи, никогда не видевшие по-настоящему бездонных глаз! Они никакие не синие и не омуты. Сталь сродни клинку, опущенная черным шелком ресниц. Потом я узнала, что у этих глаз, как у стали, тысячи оттенков, они могут сыпать искрами, могут быть теплыми

и даже горячими, могут оказаться тяжелыми свинцовыми, могут сверкать смешинками... Ну и где вы такое видели у «синих бездонных омутов»? И я говорю, что нигде и никогда.

Я не утонула, тонущие хотя бы недолго барахтаются, я просто погибла. Сразу и навсегда. Камнем пошла ко дну этой бездонной стали. Моя гибель не вызывала ни малейшего сомнения.

Он мог не просто связать меня толстыми канатами, а саму завязать в узел и повесить на окно другим в назидание, я бы не подумала сопротивляться.

Но красавец со стальными глазами ничего такого делать не стал, напротив, улыбнулся.

Улыбка человека, привыкшего к всеобщему восхищению и поклонению. Он сознавал свою красоту и, кажется, даже чувствовал себя обремененным ею. Конечно, любому нормальному человеку надоест, если будут восторженно заглядывать в глаза или просто таращиться вслед. А он нормальный?

Мне плевать, какой Ларс Юханссон, потому мной овладела паника. Я тоже долго не держусь, пара дежурных фраз, и будет ясно, что влюбилась, это нелепо и даже недостойно. Какие викинги?! Как могло Анне и Оле прийти в голову отправить к Ларсу меня, а не Марту?

Я вдруг поняла их замысел – Юханссон на меня будет смотреть, как на предмет мебели, безо всякого интереса, что позволит мне увидеть интересующие детали. Позволило бы, не потеряй я голову.

Размышлять не пришлось, встреча назначена вовсе не ради меня, следом за Ларсом к столу подошли еще трое, видимо, их он ждал в коридоре. Последовал обмен приветствиями, завязался разговор, в котором я явно была лишней. Самое время удрать, потому что долго держать себя в руках не сумею и начну позорно пялиться на Юханссона, испортив этим все.

Не знаю, сколько прошло времени, но я вдруг осознала, что Ларс сидит, откинувшись на спинку своего стула, и, не отрываясь, смотрит на меня, но вовсе не как на предмет барного декора. Не разглядывает, а словно впитывает увиденное. А еще было ощущение, что он что-то придумывает... Нет, это нечестно, если он на всех смотрит вот так: долго и... будто приглашая в неведомые дали, я умру от ревности, не имея на нее никакого права. Уже умирала.

От его взгляда и улыбки, которая чуть тронула красивые губы, когда наши взгляды в очередной раз встретились, я едва не впала в истерику. Бежать, как можно скорее!

– Йозеф, я, пожалуй, пойду. Едва ли я способна поддержать ваш разговор, к тому же у меня встреча через сорок минут, – я нарочно посмотрела на часы, словно серьезно занята.

– Детка, но мы же ни о чем не договорились!

Эти переговоры услышал Ларс, наклонился ко мне:

– Линн, дайте мне ваш телефон, я перезвоню. И извините, что пришлось потерять время.

Для начала я задохнулась в аромате его парфюма. Задохнулась в хорошем смысле, на расстоянии от Ларса пахло безумно вкусно, а поблизости добавлялся некий божественный аромат от волос. В полуобморочном состоянии продиктовала телефон, он кивнул и что-то сказал бородачу, представившемуся мне как Оскар.

– Я вас провожу хотя бы до выхода, если уж не получается дальше.

Я с трудом сдержалась, чтобы не заорать: «Не надо!»

Юханссон галантно помог надеть куртку... А на прощанье вдруг... ласково коснулся моего запястья губами:

– Еще раз извините, что разговора сегодня не получилось.

Не понимаю, почему охрана бара не вызвала службу спасения, и как сам Ларс удержался на ногах, потому что стук моего сердца набатом разносился вокруг, а стены бара просто шатались от этого грохота. Странно, но никто этого не заметил. Оглухли все, что ли? И ослепли тоже. Всеобщее помешательство, не иначе.

Меняхватило на то, чтобы пробормотать:

– Ничего страшного...

– Я позвоню, и мы договоримся.

– Да, конечно.

Бросилась к выходу на ватных ногах (как вообще можно двигаться в столь размягченном состоянии?), уговаривая себя: «Только не рухнуть! Спокойно, Линн, спокойно».

Не рухнула, выбралась наружу и даже прошла мимо окна, чтобы хоть сквозь стекло краем глаза лицезреть божество еще раз. Божество приветственно помахало рукой и улыбнулось. Вот и все, с меня хватит. Остальное время отдано беседе с интересными людьми, в список которых я не вхожу. Нет, может, он и смотрел, но я не позволила себе оглянуться, боясь, что не удержусь на ногах. Причем чего боялась больше – того, что он отвернулся от окна, или наоборот, что смотрит, не знала сама. Бежать, и как можно скорее!

В то, что позвонит, не верила. Взял телефон, чтобы отвязалась. Ведь даже не поинтересовался, зачем я, собственно, притащилась в этот бар и вклинилась в их мужское общество. Вклинилась? Это можно назвать так? Ничего подобного, меня просто допустили посидеть рядом, не больше.

Я заметила, что и Йозеф мало участвовал в их беседе, вопреки своей привычке забивать болтовней всех вокруг. Видно, рядом с Ларсом это невозможно. Но сам Юханссон разговаривал немного, он больше слушал того же Оскара. О чем шла речь? О каком-то Стивене, о Петере и яхте, о предстоящей поездке в Лондон. Вот так, у него своя жизнь, в которой нет места всяким краснеющим дурочкам, и это вполне справедливо. Какое ему дело до меня? Никакого. Даже если позвонит из вежливости, то отговорится парой дежурных фраз и невероятной занятостью.

У меня действительно должна состояться еще одна встреча, но ее время не оговорено. Оле потребовал, чтобы я пришла в офис прямо из бара. Я понимала, что они хотят узнать, что из этого мероприятия вышло. Увы, я могла с чистой совестью констатировать, что ничегошеньки!

Что и сделала. Несколько мгновений Анна внимательно разглядывала меня, потом почти ехидно поинтересовалась:

– Ты из бара? Ходила туда прямо вот так?

На самой Анне очередной потрясающий костюм серо-зеленого цвета, удивительно подходящий к синим глазам (Бритт немедленно выдала бы свои соображения по поводу связующих оттенков разных цветов, помимо маньяков, это тоже ее любимая тема).

Словно защищаясь, я пробормотала:

– Он обещал позвонить...

– Дал свой номер телефона?

– Нет, взял мой.

Анна рассмеялась каким-то жестким, почти злым смехом. Понятно, я бы на ее месте тоже так. Но мне уже надоело.

– Если не позвонит, будем считать, что я с заданием не справилась и могу отправляться к бабушке в Бюле на каникулы.

Анна задумчиво изучала мою внешность. Неизвестно, что она там обнаружила, но вздохнула:

– Ладно, будем надеяться, что позвонит. Ты хоть сказала, чья внучка?

– Вот еще!

– Не сказала?! – это уже Оле. – Я же нарочно вывел тебя на Лессена, который знал твоего деда.

– Я не желаю вмешивать имя деда ни в какие странные дела.

– Поосторожней со странными делами, детка.

– Ну, с убийцами...

– Отправляйся домой и никому ничего не говори. К сожалению, заменить тебя уже нельзя и ничего другого поручить тоже. Если Юханссон не позвонит до выходных, значит, попытка провальная. Ладно, что-нибудь придумаем...

По расстроенной интонации Анны было понятно, что они на меня рассчитывали, а я не справилась. Почему бы просто не поверить в невиновность человека, если у него есть алиби? Хотя, если вспомнить Ларса Юханссона, я бы тоже никакому алиби не поверила. Стоит ему повести глазом, и два десятка женщин с придыханием заявят, что он ночевал у них и только у них.

Весь вечер я с тоской смотрела на свой мобильник, но тот упорно молчал.

Бывают разные виды пыток: огнем, водой, каленым железом... А бывает ожиданием. Время растягивается, как жевательная резинка, часовая стрелка перестает двигаться, а цифры на мобильнике меняются в несколько раз медленней нормы. Делать ничего не получается, все валится из рук, думать ни о чем невозможно, а ожидаемое событие никак не происходит.

Это пытка ожиданием. Я хлебнула ее в тот вечер сполна.

Как у нас с Бритт заведено: если тошно, нужно довести состояние до полной тошноты, если слегка – заесть, а в особо тяжелых случаях, вроде нынешнего, взять скрипки и играть.

В этот вечер скрипка стала моей отдушиной. Я играю и играю, скрипка поняла мои страдания и откликнулась, мы с ней рыдаем, плачем над... Над чем? Несбывшимися надеждами? Нет, таковых не было, я хорошо понимала свое место в жизни Ларса Юханссона. Просто над тем, что я не нужна мужчине, который с первого мгновения встречи до смерти нужен мне самой. Я изливаю свою любовь, возникшую так вдруг, с первого взгляда, как мечталось, и которая останется безответной. Ну и пусть! Слезы катятся по щекам, скрипка поет, тоскуя вместе с моей душой... Одна и та же мелодия повторяется и повторяется...

Телефон молчит...

А в девять звонит Бритт.

– Ну как?

– Никак.

– То есть? Ты с ним не встречалась?

– Если это можно назвать так... Просто побывала в «КВ» за одним столиком с Юханссоном. Он встречался с другими, а я десять минут присутствовала при этом.

– И что? – подозрительно интересуется подруга. Я просто вижу, как ее глаза превращаются в щелочки. Интересно, что она сейчас делает, смотрит в зеркало или терзает розового плюшевого мишку?

– Сказала же: ничего! Обещал позвонить, но вот не звонит.

– Сегодня обещал? – Бритт пока не вызнает все до точки, не отстанет.

– Не знаю, не сказал когда.

– Так чего же ты со мной болтаешь?! Может, он как раз названивает, а телефон занят!

Я была бы рада так думать, это даже оправдание перед самой собой, мол, он звонил, да вот я была занята...

Подруга немедленно отключается.

Но почти сразу звонок раздается снова. Понятно, не все расспросила. Ей непременно надо узнать, так ли красив Ларс Юханссон в жизни, как на фото?

Я нажимаю кнопку:

– Да, Бритт?

Приятный баритон на том конце усмехается:

– Вы ждали другого звонка? Линн, это Ларс Юханссон, нам сегодня не удалось поговорить, извините. Я обещал перезвонить.

Хорошо, что он говорит сам, потому что лично у меня переклинило везде – в горле, голове и почему-то внизу живота. Черт побери, этот красавец сводит с ума даже по телефону!

– Да-да, конечно. Извините, я просто говорила с подругой, которая сейчас в Америке. Решила, что это снова она.

– Вы еще не потеряли интерес к разговору со мной?

Я чуть не заорала:

– Нет!

Удалось сдержаться и спокойно ответить:

– Нет, конечно.

– Давайте встретимся и обо всем договоримся?

И снова пришлось прикусить язык и сосчитать до трех, чтобы не завопить: «Сейчас?!»

– Да.

– Может, перекусим вместе? Ланч завтра в полдень вас устроит? Если вы заняты, назовите другое время или день недели.

Хотелось сказать, что я совершенно свободна до самого Нового года, а для него так и вообще ближайшие много лет, но я снова чинно произнесла:

– Устроит.

– Где вы живете, куда за вами заехать?

Чтоб он появился в этой квартире?! Да ни за что на свете!

– Я в СоФо, но могу подъехать сама в любой район города.

– Тогда договоримся так: за час до встречи, то есть в одиннадцать, я вам перезвоню, и мы обсудим, где именно стоит позавтракать. Время уже назначено.

Вот так просто: Ларс Юханссон, о котором даже Йозеф Лессен сказал, что он человек замкнутый и с девушками не дружит, предложил мне завтра встретиться за ланчем!

Сколько я просидела на диване перед включенным телевизором, тупо уставившись в экран и не соображая, что за тени на нем движутся, не знаю, но когда снова раздался звонок, даже подскочила, хрипло выдохнув в трубку:

– Да?

– Линн, это я, – Бритт говорила почему-то шепотом.

– А почему ты шепчешь, где ты?

– Я тихонько, вдруг ты с Ларсом разговариваешь?

– Бритт! – Меня отпустило, и я расхохоталась от души. – Как я могу одновременно говорить с тобой и с ним по одному телефону?!

Подруга тоже расхохоталась:

– Прости, я дура. Он не звонил?

– Позвонил.

– И?!

– И пригласил на завтра на ланч.

– Вау!!! Линн, ты должна надеть мое бирюзовое платье!

– Сдурела? Бирюзовое вечернее платье со шлейфом на ланч.

– Ой, правда. Тогда...

– Надену брюки и рубашку, – попыталась я пресечь все дизайнерские поползновения подруги.

– И новый жилет! Он подойдет. Ну, я тебя прошу, я тебя просто умоляю! Линн, я уже на коленях, ты видишь?

– Вставай, уговорила. Как ты там?

– Все говорят, что я похорошела и посвежела. И вообще, стала другой.

– А как жених с невестой?

– Ой, – я поняла, что Бритт машет рукой, – не спрашивай. Ссорятся каждый день, что у них будет через полгода? Поубивают друг дружку.

– А ты и рада?

– Я? Мне наплевать. Нет, правда наплевать. Ну их, давай лучше о Ларсе Юханссоне и о тебе.

Мне пришлось во всех подробностях пересказать сегодняшнюю встречу, вспомнить, сколько раз Ларс посмотрел на меня в баре (с изумлением осознала, что много!), дословно, что говорил там и потом по телефону, как выглядел, во что был одет, чем пах.

– Не знаю, но безумно приятно.

– Нет, вы ее видели?! Да ты должна все помнить до тонкостей.

Я поняла, что только расстояние в девять тысяч километров между нами с Бритт спасло меня от немедленного похода в магазин с целью перенюхать все мужские ароматы и точно назвать тот, что принадлежит Ларсу Юханссону.

– Я помню, просто не знаю, что это за парфюм.

– Ну да, Ларс Юханссон с его деньгами небось пользуется парфюмом, который Курту не по карману.

– Возможно.

Бритт начала второй круг:

– Повтори-ка, как он сказал?

– О, господи!

– Не господи, а повтори!

Все равно не отстанет, пришлось повторить. Вывод был однозначным:

– Линн, он в тебя влюбился! Чтоб мне сдохнуть, влюбился!

Давно я так не смеялась...

– Ты на солнце перегрелась? Где я и где Ларс Юханссон? Ты кого из нас забыла, его или меня? Могу прислать фотографии для сравнения.

– Ну и что! Чего ты смеешься? Почему это в тебя нельзя влюбиться, очень даже можно. Тебя вот только переодеть, и ты будешь полная красotka.

– Вот именно, что полная. Полненькая такая, полненькая. Карлсон в женском обличье.

– Я не о том. В смысле, настоящая.

– Переодеть, говоришь? А еще переобуть, перекрасить, сделать липосакцию и изменить половину черт лица.

– Линн, не кокетничай. Ничего тебе менять не надо. Два лишних килограмма при твоём росте еще не повод для самокритики. Талия у тебя тонкая, и вообще фигура, как у Джей Ло!

– Ладно тебе, я хорошо себя знаю и не фантазирую в отличие от некоторых болтушек.

Скажет тоже, влюбился... Да этот красавчик в принципе не ведаёт, что это такое! У его ног половина Стокгольма, а он будет влюбляться в серую мышь!

Поспать толком не удалось, крутилась с боку на бок всю ночь, пробежаться утром тоже – шел мокрый снег с дождем. По этой же причине укладывать волосы было совершенно бесполезно, и я заплела, как вчера, косу. Вот коса у меня хороша, она не слишком длинная, потому что я все же стригу волосы, в заплетенном виде чуть ниже лопаток, зато толстая. Коса, тонкая талия и грудь – моя гордость, об остальном лучше не думать...

В десять я уже была одета и обута. Жилет Бритт действительно прекрасно подошел к моей рубашке, и образовался симпатичный комплект. В зеркале отражалась пусть не красавица, но и не уродина. Ага, середнячка. Снова одно и то же – средняя, обычная, серая мышь. Ни малейшего намека на роковую красавицу (а как хотелось бы!..).

В одиннадцать раздался звонок. Мне пришлось трижды глубоко вздохнуть и основательно прокашляться, чтобы иметь возможность ответить собственным голосом, а не писком придушенной мазохистки.

– Линн, добрый день, это Ларс.

– Да, Ларс, здравствуйте.

– Мне очень неудобно, вчера проявил инициативу, а сегодня вынужден отменить встречу...

Ну, вот и все, его вежливости хватило только на то, чтобы вчера обнадежить. Этого и следовало ожидать. Сейчас скажет, что перезвонит через недельку, потом еще через неделю, а потом и вовсе забудет. Конечно, теперь я знаю его номер телефона, но, во-первых, кто сказал, что это его, а не подруги, из постели которой не хочется вылезать в такую погоду ради встречи с какой-то курицей? Во-вторых, даже зная номер, я сама все равно не позвоню. Хорошо, что не успела сообщить о планируемой встрече Анне или Оле... Сегодня скажу им, что Юханссон звонил из автомата.

Все это пронеслось в моей голове со сверхзвуковой скоростью, быстрее, чем он успел окончить фразу. И я вдруг успокоилась. Так даже лучше, никакой надежды и отрубить сразу. Что бы делала, встретиться с ним сегодня? Краснела бы, как рак, бормотала глупости или вообще разрыдалась от избытка чувств?

Я уже открыла рот, чтобы сказать, что ничего страшного, если у него нет возможности со мной общаться, я переживу. В другой раз... как-нибудь... может быть...

Но ничего произнести не успела, потому что услышала такое, от чего пришлось опуститься на диван, ноги не держали.

– Линн, у меня к вам более интересное предложение. Только не отказывайтесь сразу. Вы очень заняты в ближайшую неделю?

– Н-нет...

– Вас ведь интересуют материалы о викингах?

Голос чуть вкрадчивый, он явно не поверил в повод для знакомства. Наверняка решил, что я воспользовалась Йозефом Лессеном, чтобы навязаться ему самому. Почему-то взяло зло. Ну и черт с ним!

– Да, викинги.

– У меня все в доме на острове. Вы не хотите посетить сей заброшенный уголок, пожить там хотя бы пару дней и посмотреть собственными глазами, что интересно, а что нет? Поверьте, там тихо, уютно, а мой Свен прекрасно готовит.

Нахваливая своего Свена, Ларс сделал мне щедрый подарок во времени, за которое я успела проглотить вставший в горле ком и начать соображать снова.

– Когда?

– Сегодня. Я вынужден уехать раньше, но за вами пришлю маленькую яхту. Капитана зовут Петер, к пятнадцати часам он пришвартуется где-нибудь поближе к Музею фотографии и сообщит вам, где именно. Но на всякий случай запишите его номер телефона. Готовы?

Я судорожно искала ручку, не соображая, что та прямо под носом.

– Да.

Бумаги не нашлось, и я записала цифры прямо на руке, надеясь потом отмыть.

– С собой возьмите только личные вещи, все необходимое в гостевой комнате есть. Дого-ворились?

– Да.

– Вы немногословны. Еще раз прошу извинить. Мне пора. До встречи.

Ну и как мне к этому относиться? Вчера в баре мы не поговорили, зато вечером Юханссон пригласил меня на ланч. Ланч не состоялся, но поступило предложение провести пару дней в его скромном доме на острове, о чем невозможно было даже мечтать. Я знала размеры этих

скромных владений, это практически замок. Правда, таких вокруг Стокгольма на островах немало, но это не умаляло его ценности.

Однако дело не в ценности. Ларс придет за мной маленькую яхту! А вдруг это такая же отговорка, как и сегодняшний ланч? В три часа раздастся звонок, и капитан Петер сообщит, что, к сожалению, в баках закончилось горючее и на всех до единой заправках пусто, потому что не завезли из-за мирового топливного кризиса. А ветер внезапно стих, и штиль обещают до Рождества.

Решив ни за что самой не дуть на паруса и не грести подручными средствами, я задумалась.

Все же следовало быть готовой, хотя и ни на что не надеяться. Да, это лучший выход – прожить пару часов без мыслей о Ларсе Юханссоне и его обещаниях, но к трем на всякий случай сложить сумку. А пока нужно устроить ланч самой себе.

Нет, прежде собрать сумку, а потом отправиться на ланч или уже даже обед, потому что двенадцатый час. Решено, так и сделаем!

Но ничего этого не получилось.

Сначала я выяснила, что собраться на два дня ничуть не легче, чем на десять или месяц. Что брать с собой? Вдруг у них там приняты вечерние платья к ужину? Я порадовалась, что мои мысли не слышит Бритт, иначе через пять минут весь ее немалый и практически не использованный вечерний гардероб оказался бы упакован в дорожные чемоданы, потом к нему добавились бы наряды из нашего общего шкафа (по дюжине на каждый возможный жизненный случай) и еще пара-тройка стоек с одеждой из «Силветто».

Я представила, как притаскиваю на причал целый трейлер барахла, и яхта под тяжестью этого багажа просто идет ко дну. Или капитан при одном моем приближении в ужасе командует, как у них там положено: «Отдать швартовы!» Может еще добавить: «Полундра!»

Стало смешно. Ничего набирать я не буду, отправлюсь прямо как есть, а с собой возьму только белье на смену, пижаму и, пожалуй, свитер. Ну, и вторые джинсы. Я еду работать, а не развлекаться. Подумав, поняла, что еще одна рубашка не повредит. И пара футболок.

Но тут же выяснилось, что пижаму лучше бы обновить. Нет, все три мои не были ни застиранными, ни бесформенными, просто два последних раза мы покупали пижамы с Бритт, а потому они больше подходили девочкам-подросткам, чем взрослой девушке, потому что украшены кошечками и бантиками. Конечно, эксклюзивненько, как говорила Бритт, но не слишком подходяще для визита в замок Ларса Юханссона.

Я попыталась урезонить себя напоминанием, что меня приглашают не на пижамное рандеву и никто меня в спальном белье не увидит, но убедила в другом: на всякий случай соответствовать должно все. Второе удалось, из чего следовало, что пора отправляться за новой пижамой.

Это только кажется, что магазины Сёдермальма полны всякой всячиной. Если вдруг понадобится определенная вещь, именно такой не найдется. Я обежала весь СоФо, а когда обнаружила, что уже половина второго, просто махнула рукой, решив ничего не покупать, я же не намерена дефилировать по замку в пижаме, одну ночь как-нибудь сумею скрыть несоответствие своего ночного наряда требованиям высокой моды. Кто бы подсказал, чему там вообще придется соответствовать.

Следовало поторопиться. Пусть Музей фотографии от моего дома недалеко и надежды на появление возле него яхты Ларса Юханссона ничтожно мало, я должна быть готова.

Конечно, я врала сама себе, потому что на новую встречу с опасным красавцем очень рассчитывала. Не может же он постоянно водить меня за нос, это просто неприлично. Я его за язык не тянула... Если встреча снова отменится, больше ни о чем договариваться не буду, успокоюсь и уеду на каникулы к бабушке! Одна половинка меня ехидненько заметила, что

никакого спокойствия ждать не стоит. Вспомнив горячие пальцы и серые глаза Ларса Юхансона я сама с собой согласилась.

Даг вынужден начать все с начала. Теперь уже вместе с Фридой, чему был очень рад. У Фриды Волер острый, наблюдательный ум, прекрасная память и умение располагать к себе людей.

– Даг, в том, что она не сама повесилась, сомнений нет. Но одному человеку такое сделать тоже не под силу. Патологоанатомы сказали, что она была без сознания, когда ее вешали. В одиночку с бесчувственным телом не справиться, это же не за ноги вниз по лестнице тащить. Надо искать двоих, и, не хилых физически. Соседки-пенсионерки не подойдут.

– Я тоже об этом думал. Причем, это знакомые убитой, потому что она сама пустила их в квартиру. Не может быть, чтобы в таком маленьком доме никто ничего не слышал.

– Ну что, отправимся к соседям убитой девушки?

– Да, нужно еще раз поговорить... А еще придется вытащить черный список злодеев, который надиктовала фрекен Стринберг. Видишь, не зря я попросил не стирать.

Соседи снова пожимали плечами, мол, никто никого не видел. Дольше других Фрида беседовала с соседкой Кайсы по площадке. Карин Йенссон явно нервничала, неужели что-то скрывала?

– Карин, а ведь вы видели кого-то, кто приходил к Кайсе в день убийства.

– Нет, я никого не видела.

Фрида усмехнулась:

– По статистике даже в обычной беседе человек лжет в среднем трижды за десять минут разговора. Простого разговора, заметьте, а если ему есть что скрывать? Вам ведь есть?

– С чего вы взяли?

– Хотите пройти детектор лжи?

– Нет. Но я никого не видела.

– Значит, слышали?

– И не слышала.

– Ложь. Вы лжете и при этом внимательно смотрите мне в лицо, чтобы проверить, верю ли я этому, – Фрида вдруг указала на левое плечо Карин, – и плечом дернули, а это означает, что вы сами не верите тому, что произносите. Вы не видели, но слышали тех, кто приходил к Кайсе, так?

И Фрида уставилась в лицо Карин:

– И вы знаете, как они выглядят? Знаете?

– Нет.

– Ложь. Не потому, что вы не смотрите мне в глаза, есть еще много способов заметить обман. Помните об этом, когда будете говорить неправду.

Карин молчала.

– Хорошо, расскажите, как прошел у вас тот день, только как можно подробней.

– Вы меня что ли подозреваете?!

– Ни в малейшей степени. Просто хочу, чтобы вы успокоились и поминутно вспомнили все, что делали в тот вечер. Начинайте со второй половины дня.

– Это было давно...

– Мы же не торопим.

Она перечисляла одно дело за другим. От Дага не ускользнуло, что, говоря о вечере, Карин явно сбавила темп и стала говорить осторожней. Но он все равно не понимал, зачем Фриде более подробное изложение мелких событий дня Карин.

– И легли спать?.. И ничего не слышали?

– Сказала же, ничего.

– Попробуйте еще раз с того момента, как вы вернулись после работы домой.

– Зачем еще раз?!

– Понимаете, вы могли, сами того не заметив, что-то услышать или увидеть. Повторите подробно: поднялись по лестнице, открыли дверь своей квартиры, положили сумку, вымыли руки...

Карин снова рассказала, как готовила ужин, смотрела телевизор, готовилась ко сну...

– А теперь в обратном порядке.

– Зачем?

– Ну, если вы так хорошо вспомнили, как и что готовили на ужин, почему бы не повторить в обратном порядке?

– Я не смогу.

– Потому что это неправда? Вы не ужинали дома, а только забежали и куда-то ушли снова? Но почему это нужно скрывать?

Женищина не выдержала, голос ее сорвался:

– Потому что я работала ночами. Это незаконно и меня могут оштрафовать.

Фрида вздохнула:

– Давайте также честно и об остальном. Вы что-то видели, уходя на работу?

– Нет, правда, не видела. Только слышала, как Кайса открывала дверь какой-то женщины, но я не стала выходить на площадку, потому что не хотела, чтобы видели, как ухожу работать ночью.

– Вы слышали голос женщины?

– Да, но это все.

– Снова лжете. Вы видели ее?

– Нет!

– Значит, видели где-то не в доме?

Теперь уже можно не объяснять, Даг заметил, как вздрогнула Карин.

– Видели? – наседала на нее Фрида.

– Я не знаю, она ли это. Просто в магазине голос показался очень знакомым, я посмотрела на женщину и все. Это правда все, я больше ничего не знаю.

– Вы должны пообщаться с нашими специалистами, чтобы они составили фоторобот.

– Меня арестуют?

– За что?

– За то, что я работала по ночам.

– Нет, мы никому не скажем. Поехали.

Еще через час фоторобот был готов, Карин оказалась толковой, она легко нашла общий язык с Теодором, тот даже признался, что давненько так легко не работал со свидетелем. Женищина обладала хорошей зрительной памятью и была наблюдательна, она толково описывала черты лица, а когда для проверки Теодор пытался подставить в картинку другие, даже раздражалась:

– Я же сказала, что верхняя губа узкая, а нижняя шире...

Убедившись, что все так, как она запомнила, Карин в очередной раз попросила не привлекать ее к ответственности за работу по ночам и собралась уходить.

– А где вы работали-то?

– Убирала в ночном клубе. Это с трех до самого утра...

– Большие не убираете?

– Сейчас нет.

Фоторобот ничего не дал, никто из соседей эту женщину раньше не видел, потому картинку просто положили в папку.

Пришла пора «черного списка» фрекен Стринберг.

И первым в этом списке по праву значился Ларс Юханссон, красавец, умница и богач, Мастер, изобретивший собственную систему узлов, некогда приятель Кайсы, у которого имелось алиби. Но Даг Вангер прекрасно знал, сколь это ненадежное оправдание – алиби...

На фотографию Ларса Юханссона у всех соседок реакция была одинаковой:

– Какой красавец! Нет, не видели, здесь не бывал.

В голосах слышалось сожаление, что это божество ни разу не посетило сей заброшенный уголок, из чего Вангер сделал вывод, что Юханссон не появлялся вблизи дома Кайсы, его не могли не заметить. Похоже, красавчик и впрямь не вешал Кайсу, а что до узлов... не обвинять же в преступлении каждого, кто хоть раз в жизни покупал нож или бельевую веревку.

АЛЫЙ

Капитан яхты Петер позвонил в половине третьего и сообщил, что пришвартовался неподалеку от Музея, яхта называется «Ника» и как только я буду готова, могу подходить...

В состоянии тихой паники я забыла, что так и не пообедала. Да и не завтракала тоже. И не ужинала вчера нормально... И вообще, когда нормально ела последний раз – не помню, кажется, это была пицца «Маргарита». До того ли? За мной прислали яхту!..

До конца так и не поверив в реальность происходящего, не стала сообщать Оле, что отправляюсь на остров, хотя стоило бы, мало ли что.

Нет, яхта не была миражом, вот она, у стенки причала, даже потрогать можно. И матрос у сходней в ожидании меня. Он поздоровался, подхватил сумку, помог подняться на борт. Конечно, никаких парусов, и капитан без трубки в зубах, но в остальном все по-настоящему. Петер сразу посоветовал мне либо спуститься вниз, либо зайти в его рубку:

– Ветер сегодня не слишком приятный. Зима...

Я спряталась в рубке, не люблю, когда горизонта не видно, это не морская болезнь, а простая трусость – а вдруг тонуть начнем?

– Синоптики обещают такую круговерть до завтрашнего обеда, потом вроде стихнет. – Он покосился на меня любопытным глазом и снова покачал головой. – Ларс сказал, что я должен привезти красивую девушку. Он ошибся. Нужно было сказать «очень красивую».

Я вымученно улыбнулась:

– Благодарю за комплимент.

– У Ларса хороший вкус.

Меня вдруг словно что-то потянуло за язык:

– А вы часто возите красивых девушек?

– К Ларсу? Никогда.

– Там есть еще кто-то?

– Сейчас нет, но иногда бывают родственники.

Мы с ним исподтишка разглядывали друг друга, а, встретившись глазами, немедленно их отводили. Я никогда не видела вблизи капитанов яхт, вернее, если и видела, то не в рубке при исполнении... А он? Наверное, любопытно, что за синий чулок Ларс Юханссон пригласил к себе в замок.

Мне надоело разглядывать, а Петеру?.. Пусть смотрит! Я такая, как есть и мне не стыдно. Вернее, если и стыдно, то это мое дело, мои недостатки – это мои недостатки и они мне дороги.

Придя к такому выводу, я вдруг успокоилась. Давно бы так.

Бритт вечера не дождалась, она звонит среди дня:

– Ну?! Только не говори, что ланч не состоялся!

– Бритт, я тебе потом перезвоню, сейчас неудобно. Я на яхте.

– Где?!

– На яхте, плыву на остров по приглашению Ларса Юханссона.

Бритт каким-то чудом удается не грохнуться в обморок от такого сообщения. Крепкая у меня подруга. Мало того, она решительно командует:

– Так! Как только будет минутка, немедленно позвони и подробно расскажи, что и как.

Я торжественно клянусь выполнить это требование.

– Строгая мама? – кивает на телефон Петер.

– Нет, подруга. Моей маме наплевать, где я и что делаю.

Вот зачем сказала о маме?! Язык мой – враг мой.

– Бывает...

– А бабушке надо позвонить... – Я тихонько хихикнула. – Этим двоим нельзя не звонить каждый день, организуют операцию по моему розыску и возвращению.

– А подруга чего же не с тобой? Надо было Ларсу сказать, что ты не одна.

– Она умчалась на свадьбу своего бывшего парня с двоюродной сестрой.

Капитан усмехнулся, метнув на меня любопытный взгляд:

– Расстраивать свадьбу?

– Нет, наслаждаться пониманием, что избежала незавидной участи.

Петер от души смеется, и мне вдруг становится легко и спокойно от этого смеха, этого соседства, от музыки, которая тихонько звучит в рубке.

Бабушке я коротко сообщаю, что отправилась в замок Ларса Юханссона изучать жизнь викингов. Она в мой исследовательский порыв не поверила, но вида не подает, только требует звонить каждый день и докладывать.

– Ба, я завтра обратно, он мне только материалы покажет...

Стоило закончить разговор с бабушкой, Петер снова с любопытством заглядывает мне в лицо:

– Завтра обратно? А чего так быстро? Наверное дома красавец ждет?

– Да нет, никто не ждет. Ларс приглашал на пару дней.

– Мне он ничего не говорил, ну, в смысле, что тебя завтра обратно везти.

– Я вплавь кролем. Или баттерфляем, как получится.

Петер смеется, мотая головой:

– Так и быть, подарю спасательный жилет.

– И весло, чтобы быстрее, а то холодно...

Снег прекратился еще когда я бегала по магазинам, но ветер сильный и море беспокойно. От вида белых барашков волн, которые по воле ветра пляшут вокруг яхты, в голове начинает звучать «Шторм» Вивальди. Невольно я начинаю отбивать такт ногой. Петер с беспокойством приглядывается:

– Тебе плохо?

Я смущаюсь:

– Нет, музыка... Вижу волны и слышу музыку.

Зря я это сказала, решит, что чокнутая. Но Петер согласно кивает:

– Ларс тоже головой мотает и такт ногой отбивает. А то и вовсе скрипку с собой берет, говорит, играть в море самое то. Выходим в море и играем. Честно говоря, хорошо, мне тоже нравится.

– Ларс Юханссон играет на скрипке?

Значит, кроме викингов у нас есть и другие общие интересы? Это хорошо...

Петер в ответ машет рукой:

– Проще сказать, чего он не делает. Не человек, а ходячая энциклопедия. И когда все успевает?

Да уж, задание осложняется... Ларс Юханссон ко всем своим внешним достоинствам еще и ходячая копилка знаний и умений. Когда красавец оказывается талантливым умницей, это превращает его почти в идеал. Но как раз с идеальными труднее всего. Не люблю идеальных, они снобы. А идеальный убийца?.. Влипла, сомнений нет!

Но возврата тоже нет, не бросаться же в бурлящее море, чтобы не доставаться этому самому снобу? Я вздыхаю с обреченным видом. Заметив это, Петер смеется:

– Не бойся Ларса, он хороший. А что насмешник, так дай сдачи.

Мама моя! Идеальный красавец еще и насмешник? Куда это меня несет?! Как я буду давать ему отпор, если краснею от любого пристального взгляда, а уж от его тем более?

Яхта причаливает довольно быстро. Если честно, меня несколько успокаивает понимание, что дом Ларса Юханссона на острове не один, чуть подальше видны еще дома. Но в основном стоит лес, хотя вдоль берега дорожка для прогулок.

На причале меня встречает мужчина, представляется:

– Я Жан, привратник Ларса. Пойдемте, я провожу вас в дом.

В стороне стоит привязанная лошадь. Заметив мой взгляд, Жан объясняет:

– У нас здесь нет машин, только лошади. Вы ездите верхом?

– Совсем немного.

Если честно, не езжу совсем, но признаваться в этом не хочется. Надеюсь за два дня никому не придет в голову проверять мой талант наездницы, вернее, его отсутствие?

Жан представляет симпатичную блондинку:

– Это моя жена Мари. Мы живем вон в том домике, Ларс часто уезжает в Стокгольм, если что-то будет нужно, обращайтесь. Мари приготовила вашу комнату.

Этот домик раза в полтора больше бабушкиного, но меня поражает другое – Жан говорит так, словно я должна прожить в этом замке не только сегодняшний и завтрашний день, а куда больше. Наверное, хозяин не предупредил, что пригласил некую особу на пару дней. Хорошо хоть предупредить, что приеду, не забыл.

Я здороваюсь с Мари и следую за Жаном к входу.

Яхта с капитаном и двумя матросами... привратник с супругой... Небось, внутри тоже штат вышколенной прислуги. Но насколько я поняла, Ларс Юханссон живет один? Да, красиво жить не запретишь, и богато тоже. Но ни Жан, ни Мари внешне не похожи на слуг, никаких передничков на платье в пол, кружевных воротничков и сложенных на животе рук, как и у Жана какого-нибудь форменного сюртука. Одеты, как обычно одеваются люди, живущие за городом.

На крыльце статный, полный достоинства мужчина с проседью в волосах.

– Здравствуйте, я Свен, камердинер Ларса.

Жан хмыкает:

– И наставник по совместительству.

– Бывает и это.

В холле нас встречает сам божественный хозяин. Он в джинсах и джинсовой же рубашке, расстегнутой на груди. Ноги босые.

Ларс по-хозяйски оценивающе оглядывает меня с ног до головы, от чего внутри все встает на дыбы. Конечно, я у него в гостях, но кто позволял этому красавцу подобную бесцеремонность? И тут же урезониваю себя: а не так ли только недавно смотрела ты сама?

– Я рад, что вы приняли мое приглашение. Так вас интересуют викинги?

Вообще-то мог бы поинтересоваться, как добралась. Или талантливым красавцам необязательно соблюдать правила приличия?

– Свен отнесет сумку в вашу комнату, а мы пройдем в библиотеку.

Вот так – быка за рога, чтобы не задавала лишних вопросов. Я уже понимаю, что разузнать что-то в этом доме, где все крутится вокруг Ларса Юханссона, будет очень трудно. Свен ободряюще улыбается мне и действительно уносит сумку. Ларс помогает снять куртку, кивает, чтобы разулась:

– У нас теплые полы во всех жилых помещениях, можно ходить просто в носках. Но если вам удобней обутой, то...

– Нет, я разуюсь.

Не хватает еще шлепать в кроссовках по толстым коврам. Ковры, впрочем, не везде, но в библиотеке, куда меня приводит, крепко держа за руку Ларс (боится, что дам деру прямо в носках?), лежит. Ноги в нем просто тонут. От камина тянет теплом. Приятно.

– Я подготовил некоторые материалы. Для начала вам нужно с ними ознакомиться. Когда возникнут вопросы – поговорим. До ужина два часа, значит, обсуждать прочитанное будем

после. Вот это для вас! – Ларс почти торжествующе показывает мне большой стол, заваленный горой книг.

В первое мгновение я теряюсь: ясно, что таким способом он вынуждает меня отказаться от своей задумки. Ну уж нет, я скорее подохну за этим столом, умру от голода и жажды, но осилю! Как бы дурачки это ни звучало, но я готова прочесть все книги без остановки, только чтобы доказать этому красавчику, что меня так просто не возьмешь. Подозреваю, что ему наплевать, но скорее он увидит мой бездыханный труп или вообще скелет в библиотеке, чем услышит слова сожаления и отказа. Умру, погибну на боевом посту, но не сдамся врагу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.